

И. Лавровъ.

СБОРНИКЪ

МАКЕДОНСКИХЪ ПѢСЕНЪ, СКАЗОКЪ И ОБЫЧАЕВЪ.

С. И. ВЕРКОВИЧА.

(Оттискъ изъ Сборника статей въ честь В. И. Ламанского).

С.-ПЕТЕРВУРГЪ.

ТИПОГРАФИЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

Бас. Остр., 9 лин., № 12.

1908.

Напечатано по распоряжению Императорской Академии Наукъ.
Июль 1908. Непремѣнныи Секретарь, Академикъ С. Ольденбургъ.

Сборникъ македонскихъ пѣсень, сказокъ и обычаевъ С. И. Верковича.

Въ библіотекѣ Академіи Наукъ хранится объемистый сборникъ народныхъ пѣсень, сказокъ и отчасти народныхъ обычаевъ, записанныхъ въ южной Македоніи известнымъ любителемъ и собирателемъ древностей и народной словесности С. И. Верковичемъ.

Поселившись въ Македоніи въ городѣ Сересѣ, Верковичъ съ успѣхомъ воспользовался пребываніемъ въ этомъ богатомъ памятниками старицы и живымъ народнымъ творчествомъ славянскомъ краю.

Собранныя имъ древности и рукописи обогатили музеи и библіотеки и наши и западной Европы. Петербургу посчастливило въ этомъ случаѣ въ особенности: многіе археологические предметы попали въ эрмитажъ, прекрасная и цѣнная коллекція юго-славянскихъ рукописей поступила въ Публичную библіотеку.

Что касается произведений народной словесности, то настоящій сборникъ стоитъ въ связи съ известной книгой Народне песме македонски бугара, напечатанной Верковичемъ въ 1860 г. въ Бѣлградѣ. Наибольшая часть изданныхъ въ ней пѣсень записаны отъ Дафина изъ села Просеникъ вблизи Сереса, отъ другихъ пѣвицъ записаны пѣсни въ округахъ Серескомъ Велесскомъ, Дебърскомъ и одна пѣсня изъ Крушева.

Пѣвица Дафина, «женщина рѣдкаго остроумія и одаренная

удивительной памятью», которую Верковичъ называлъ «бугарскому Омирком», съ молодыхъ лѣтъ жила въ Сересѣ, гдѣ Верковичъ съ ней и познакомился. По ея рассказамъ она въ молодости такъ любила пѣсни и пѣнье, что, гдѣ только ни приходилось сї у слышать о мужчинахъ или женщинахъ, знающихъ много пѣсень, она не могла успокоиться до тѣхъ поръ, пока ей не скажутъ всѣ пѣсни; а память у ней была такая, что достаточно было разъ слушать ей пѣсню, и она ее помнила наизусть. Въ 16 лѣтъ ея известность была такъ велика, что ее звали на время свадьбы во всѣ сосѣднія села, чтобы руководить хоромъ пѣвицъ, пока не кончится свадьба.

Отъ нея Верковичъ записалъ 270 пѣсень разнообразнаго содержанія, большою частію женскихъ, а отчасти и тѣхъ мужскихъ, которыя здѣсь зовутъ трапезарскими, и нѣсколько юнацкихъ. Эти послѣднія пѣсни Верковичъ не внесъ въ свой сборникъ, онъ помѣстилъ изъ нихъ только нѣсколько лучшихъ пѣсень, которая и по содержанію, строго говоря, не принадлежатъ къ числу мужскихъ, но или миѳологическія, или любовныя.

Въ книгу Верковича вошло 235 пѣсепъ этой пѣвицы.

О другихъ пѣвицахъ, которыя много уступали Дафинѣ, Верковичъ не говоритъ почти ничего. Замѣчено только, что велескія пѣсни всѣ записаны отъ одной пѣвицы; этихъ пѣсень всего только сорокъ. 12 пѣсепъ изъ Дибры записаны были въ Сересѣ отъ приходившаго сюда на работу уроженца Дибры. Эти пѣсни, какъ разсказывали собирателю, поются мужчинами во время отдыха отъ работы, или на пути.

Для того времени интересна замѣтка о Дибрѣ. «О Дибрѣ многіе думаютъ, что тамъ живутъ только Арнауты, и это отъ того, что многія славянскія села приняли магометанскую вѣру, послѣдователи которой, не зная другого имени кроме вѣроисповѣдного, называютъ себя по имени области, въ которой находится Дибарскій округъ, арнаутами; на самомъ же дѣлѣ большая часть народа въ этомъ округѣ принадлежитъ славянскому племени.

Эти слова характерны въ томъ отношеніи, что нужно было

напоминать о славянскомъ происхожденіи населенія отдельныхъ частей Македоніи. Слѣдуетъ однако замѣтить, что въ данномъ случаѣ въ литературѣ уже были данныя о языкѣ Дебрянъ.

Въ Коло были помѣщены статьи Григоровича, который напечаталъ въ этомъ журналь записанныя имъ пѣсни. А въ Ковчежић¹⁾ о томъ же предметѣ говорилъ В. Караджић. Въ статьѣ Срби сви и свуда, написанной въ 1836, читаемъ: Достовѣрно известно, что сербы теперь живутъ въ нынѣшней Сербіи между Дриной и Тимокомъ и между Дунаемъ и Старой планиной, въ Метохіи (отъ Косова чрезъ Старую Планину, гдѣ столица Душана Призренъ, сербская патріархія Пећ и монастырь Дечани), въ Боснѣ, Герцеговинѣ, Зетѣ, Черногоріи, Банатѣ, Бачкой, Сремѣ, по правому берегу Дуная выше Осѣка до Сентъандрея въ Славоніи и Хорватіи (какъ турецкой, такъ и австрійской), въ Далматіи и по всему Адріатическому приморью отъ Тріеста до Бояны. Оттого я выразился достовѣрно известно, потому-что еще мы не знаемъ доподлинно, сколько сербовъ въ Албаніи и Македоніи. Я на Цетинѣ въ Черногоріи разговаривалъ съ двумя Дебрянами, которые мнѣ говорили, что тамъ у нихъ много сербскихъ сель, въ которыхъ говорятъ по сербски такъ, какъ они говорили, т.-е. языкомъ представляющимъ нечто среднее между сербскимъ и болгарскимъ, но опять таки болѣе близкимъ къ сербскому, чѣмъ къ настоящему болгарскому²⁾.

Въ примѣчаніи къ этому мѣсту Вукъ Караджић признаетъ пробѣлъ въ своихъ трудахъ по собиранию данныхъ, касающихся сербской народности. Съ тѣхъ поръ какъ я началъ собирать сербскій этнографический материалъ, хотѣлось мнѣ постѣть юго-восточные края нашего народа, а также Боснію и Герцеговину, но и до сихъ поръ не удалось этого сдѣлать, и по всей вѣроятности я унесу съ собой на тотъ свѣтъ это желанье.

1) Ковчежић за историју, јејик и обичаје срба сва три закона. У Бечу. 1849.

2) Разумѣется В. Караджић имѣть здѣсь въ виду восточно-болгарское нарѣчіе, литературный болгарскій языкъ.

Быть можетъ отъ Верковича, жившаго въ Македоніи, у сколь-
зпули эти заявленія, а возможно, что и независимо отъ этого
было полезно напоминать о славянствѣ этихъ далекихъ отъ куль-
турныхъ центровъ уголковъ славянства.

Сборникъ Верковича вмѣстѣ съ вышедшимъ въ томъ же году
въ Загребѣ сборникомъ братьевъ Миладиновыхъ безусловно
обогащалъ знакомство съ этнографіей и народнымъ творчествомъ
тогда еще во всякомъ случаѣ мало извѣстныхъ мѣстностей Ма-
кедоніи.

Но уже изъ того, что было выше сказано, можно было ви-
дѣть, что не весь собранный Верковичемъ материалъ вошелъ въ
эту книгу.

Въ концѣ предисловія обѣ этомъ сказано: «кромѣ этого сборм-
ника женскихъ пѣсень я собралъ, какъ и выше было сказано,
значительное число мужскихъ, трапезарскихъ и юнацкихъ пѣсень,
которые, если Богъ дастъ, издамъ въ свѣтъ въ другой книгѣ—
тѣмъ болѣе, что надѣюсь ихъ умножить и привести въ порядокъ—
и такимъ образомъ сообщу ихъ, а также и пародныя сказки
македонскихъ славянъ, любителямъ славянской пародной сло-
весности».

Къ сожалѣнію такъ усіѣшно начатое дѣло вскорѣ получило
у собирателя совершенно ложное направлениe. Предисловіе къ
столь извѣстной «Веда словела бѣлгарски народни песни отъ пред-
исторично и предхристиянско доба» объясняетъ намъ, какъ это
случилось. Издатель этого сборника жалуется, что древности
славянскаго племени такъ мало извѣстны. Не сохранилось у
славянъ воспоминанія о томъ мѣстѣ, откуда они вышли, ни про-
изведеній ихъ ума, ни дѣль ихъ рукъ отъ языческой эпохи. От-
того у иностранныхъ нисателей и представителей современной
цивилизациі рас пространенъ предразсудокъ, что славяне не только
не внесли ничего своего въ культуру человѣчества, но скорѣе
ей вредили, время отъ времени истребляя опустошительными на-
бѣгами съ большими трудомъ скопленныя культурныя богатства
народовъ, одаренныхъ выдающимися способностями и талантами.

Таковы были пароды Индій, Финикіяне, предшественники грековъ и египтянъ. Страшные опустошители среднихъ вѣковъ, обратившіе въ прахъ и пепель всѣ завоеванія языческой культуры, каковы Гунины, Татары, Вандалы, Готы, разсматриваются подобными учеными за ближайшихъ друзей и непосредственныхъ родичей Славянъ. Думаютъ, что до крещенія Преславскаго владѣтельного дома у славянъ не было никакого понятія объ азбукѣ, никакихъ слѣдовъ письменности ... У Верковича зарождалась мысль опровергнуть такой взглядъ на славянъ, и онъ сдѣлалъ это весьма оригинально. Вотъ, что онъ говорить по этому поводу далѣе: «Поселившись въ классической полной дорогихъ воспоминаній Македоніи ради обслѣдованія и сохраненія памятниковъ старины во время своихъ частыхъ поѣздокъ, которыя я предпринималъ во всѣхъ направленіяхъ по балканскому полуострову, помимо собирания предметовъ археологическихъ наблюдая типы, склонности, свойства и обычай разныхъ племенъ, живущихъ теперь въ этой знаменитой древней области, отечествѣ классической образованности, къ величайшему удивленію я замѣтилъ большое различіе между тѣмъ, что я слышалъ въ школѣ о греческомъ племени, и тѣмъ, что я увидѣлъ на самомъ дѣлѣ своими глазами, а именно, что ему не достаетъ кое чего въ цивилизаторскомъ дарованіи, чего бы не должно быть, если бы была правда то, что говорится о немъ въ этомъ отношенії.

Оставляя въ сторонѣ все другое, назову только музыку и поэзію, считающіяся краеугольнымъ камнемъ первобытной человѣческой культуры; склонности къ нимъ у современныхъ грековъ я не замѣтилъ, между тѣмъ какъ болгарскіе славяне отдаются имъ съ такимъ энтузіазмомъ и любовію, что едвали ихъ можетъ въ этомъ отношеніи превзойти какое либо другое славянское племя.

Много разъ случалось мнѣ лѣтомъ проходить черезъ поля и луга грековъ, переполненные рабочими, и никогда, до моихъ ушей не достигало звуковъ какой нибудь пѣсни или веселаго говора, каждый разъ по обѣимъ сторонамъ пути владѣла такая

тишина, что, мнѣ казалось, здѣсь работаютъ не живыя существа, а какіе то автоматы.

Напротивъ, проходя среди краевъ, заселенныхъ славянами, я еще издали узнавалъ ихъ и не по чѣму либо другому, а единственно по звучному далеко по горамъ и доламъ разносящемуся эху ихъ пѣсенъ».

Эти наблюденія склоняли Верковича къ предположенію, что неосновательны заключенія о исключительныхъ цивилизаторскихъ дарахъ грековъ, что не только они не были единственными учителями и просвѣтителями человѣчества и въ частности народовъ Южной Европы, но что и славяне имѣли съ незапамятныхъ временъ свою собственную старую культуру.

Но недостаточно было выступить съ такимъ предположеніемъ, надо было его подкрѣпить фактами. А гдѣ ихъ искать?

Въ памятникахъ письменности было бы безполезно: вся самобытная дохристіанская культура славянъ безпощадно истреблена съ обращенiemъ ихъ въ христіанство. И вотъ Верковича осенила мысль попытаться искать подтвержденія своей гипотезѣ въ народномъ преданіи живущихъ въ Македоніи славянъ. Духовная жизнь славянъ оставила наиболѣе важные слѣды въ народномъ преданіи, въ народныхъ пѣсняхъ и сказкахъ, въ которыхъ съ наиболѣшою вѣрностю отразился ихъ характеръ и складъ мышленія.

Счастіе благопріятствовало Верковичу. Приступивъ къ собиранию пѣсень и сказокъ македонскихъ славянъ, онъ съ начала марта мѣсяца 1856 въ продолженіе четырехъ лѣтъ успѣлъ собрать около тысячи пѣсень и сказокъ, но къ сожалѣнію собранный матеріалъ не давалъ объясненія поставленной собирателемъ задачи: это были большею частію женскія любовныя лирическія пѣсни, изъ которыхъ нѣкоторыя онъ напечаталъ въ 1860 г. въ Бѣлградѣ.

Не находя искомого, Верковичъ обратился къ пріятелямъ съ просьбой поискать, не найдутся ли историческія пѣсни о македонскихъ царяхъ Филиппѣ и Александрѣ, равнымъ образомъ и

о знаменитостяхъ древней Фракії напр. о фракійскомъ пѣвцѣ Орфѣѣ и другихъ лицахъ, известныхъ въ мѣстной исторії, и въ случаѣ, если что либо подобное найдется, доставить ему.

Весьма интересно чистосердечное признаніе собирателя, что многіе были удивлены такой затѣей. Ему говорили, какъ могла ему прийти въ голову такая мысль, когда общеизвестно, что до времени Ираклія не было и слѣда славянъ на балканскомъ полуостровѣ, при такомъ условіи какъ же у нихъ можно искать пѣсенъ и преданій о такихъ лицахъ древней исторії, которыхъ не только не были славяне, но даже болѣе того жили на столько вѣковъ ранѣе появленія славянъ въ этихъ странахъ.

Къ сожалѣнію соблазнъ былъ великъ, и Верковичу не пришлось долго ждать. Время отъ времени ему доставляемы были пѣсни и сказки, но всѣ онѣ были похожи на собранныя имъ ранѣе. Такъ прошло 10 лѣтъ. У него набралось множество пѣсень и сказокъ, но въ нихъ не было и слѣда воспоминаній о доисторическомъ и языческомъ прошломъ славянъ.

Верковичъ уже отчаялся получить подтвержденіе своей гипотезѣ, когда вдругъ познакомился съ однимъ македонцемъ, жившимъ въ окрестностяхъ Перинъ планины. Новый знакомый обѣщалъ содѣйствовать, но и онъ замѣтилъ, что едва ли можно разсчитывать найти пѣсни объ Александрѣ и Орфѣѣ.

Однако черезъ мѣсяцъ была получена тетрадка пѣсенъ, среди которыхъ «волею божіею была одна такая, которая предвѣщала подтвержденіе моихъ смѣлыхъ надеждъ». Это была небольшая пѣсенка объ Александрѣ великому.

Верковичъ былъ въ восхищеніи. Онъ благословлялъ божій промыслъ, избравшій его недостойнаго явить изъ тьмы забвенія столь важную тайну.

И такъ родопскіе славяне сохраняютъ живое преданіе даже и о времени Александра великаго. Онъ проситъ въ своихъ письмахъ не забыть и пѣсни объ Орфѣѣ. И онъ получилъ варіантъ пѣсни объ Александрѣ, двѣ пѣсни объ Орфѣѣ и пѣсню о переселеніи народовъ.

Пѣсни обѣ Орфей № 15 Верковичъ послалъ на этнографическую московскую выставку для оцѣнки. Пѣсня эта была напечатана съ русскимъ переводомъ В. А. Дашковымъ. Послѣ выставки доставка пѣсенъ шла очень бойко: въ одинъ годъ было получено 56 пѣсень въ 17.000 стиховъ.

Обладая такимъ богатымъ материаломъ, котораго было достаточно болѣе, чѣмъ на одну книгу, Верковичъ обратился въ Бѣлградъ къ своему старому пріятелю Яику Шафарику съ просьбой помочь появленію въ свѣтѣ собраннаго имъ материала. Шафарикъ отнесся къ этой просьбѣ съ сочувствіемъ, находя собранныя пѣсни заслуживающими вниманія. Мы не будемъ останавливаться на краткихъ замѣткахъ Верковича, касающихся содержанія пѣсенъ. Отъ дѣлаетъ попытки объяснить имя Бѣлаго Дуная, бога Вишну, Юды, сурой Ламії.

Не называя именъ, Верковичъ упоминаль о скептическомъ отношеніи къ публикусмъ пѣснямъ со стороны нѣкоторыхъ ученыхъ.

Находя нужнымъ сообщить, гдѣ и отъ кого записаны пѣсни, онъ предупреждаетъ, что сначала его пріятели собирали и переписчики не считали важнымъ отмѣтить място и имя пѣвца и только позднѣе исполнили его просьбу. Въ заключеніе сообщенія этихъ именъ онъ отмѣчаетъ, что всѣ пѣсни получены отъ племенъ помаковъ и морваковъ. Съ своей стороны Шафарикъ въ небольшомъ предисловіи къ первому тому *Веда Словена* относился съ довѣріемъ къ этимъ пѣснямъ, между которыми однѣ сохрашаютъ отголоски глубокой доисторической старины, другія имѣютъ отношеніе къ древней исторіи Македоніи и наконецъ нѣкоторыя восходятъ къ эпохѣ болгарскаго царства. Важность этихъ пѣсень можно видѣть изъ содержанія такихъ, каковы напр. рожденіе бога Вишну; черный годъ; рожденіе Александра; Борисъ, царь болгарскій, оставляетъ вѣру предковъ. Чтобы облегчить пониманіе издаваемаго сборника для европейскихъ ученыхъ, Шафарикъ предложилъ дословный французскій переводъ.

Въ 1881 г. въ Петербургѣ вышелъ второй томъ этого сбор-

ника, заключающей обрядовыя пѣсни. Изъ предисловія видно, что Верковичъ желалъ присоединить русскій переводъ пѣсенъ, но не могъ найти подготовленнаго переводчика, равнымъ образомъ не удалось ему отыскать болгарина для составленія предисловія на болгарскомъ языкѣ.

Хорошо известна судьба этого сборника. Ученые встрѣтили его неодинаково. Одни придавали ему большое значеніе, вѣря въ его подлинность, другие отнеслись къ нему съ подозрѣніемъ, считая его фальсификацией.

Самъ Верковичъ, дорожившій этимъ собраніемъ, какъ драгоценныемъ сокровищемъ славянской народной поэзіи, съ полнымъ самопожертвованіемъ отстаивалъ подлинность собранныхъ имъ пѣсепъ черезъ посредство ученыхъ, въ которыхъ онѣ не возбуждали подозрѣнія. И если между славянами—не будемъ говорить о иностранцахъ—находились защитники Веды Словешъ и между ними были не только Япко Шафарикъ, но и такие известные ученые, какъ напр. Гейтлеръ, Всеволодъ Миллеръ, то уже одного этого достаточно, чтобы извинить довѣрчивость самого собирателя.

Въ Болгаріи столь же понятно въ широкихъ сферахъ Веда Верковича была принята какъ произведение народнаго творчества, льстившее патріотическому чувству. А самая мѣстность, гдѣ были найдены пѣсни, отдаленные и таинственные Родопы, благопріятствовала довѣрчивому отношенію публики. Пенсія, назначенная Верковичу Народнымъ Собраніемъ, выкупала понесенныя имъ страданія въ дѣлѣ обнародованія Веды и защиты ея подлинности. А съ другой стороны желаніемъ убѣдиться въ томъ, при какихъ условіяхъ произошла эта мистификація, вызвали поѣздки на самое мѣсто экспертовъ изслѣдователей. Результаты этихъ поѣздокъ и еще болѣе доставшаяся въ руки Д. Шишманова переписка Верковича вполнѣ разяснила дѣло. Верковичъ, увлеченій теоріями о родствѣ славянъ съ народами древняго міра, сдѣлался жертвой увлеченія и, неповинный самъ въ подлогѣ, щедрой раздачей денегъ за пѣсни на известныя темы объ извест-

ныхъ лицахъ вызвалъ фальсификацію одного учителя Гологанова, который и явился ему поставщикомъ пѣсенъ.

Погнавшись за несбыточной мечтой найти пѣсни, которыя бы пролили свѣтъ на отдаленное прошлое славянъ, Верковичъ забылъ и оставилъ въ сторонѣ такъ удачно начатые имъ труды по собиранію подлинныхъ народныхъ пѣсенъ, которыми такъ богаты македонскіе края. Позднѣе, переселившись въ Болгарію часть собранныхъ имъ ранѣе пѣсенъ онъ доставилъ редакціи болгарскаго Сборника за народнія и умотворенія, наука и книжнина, другая, судя по всему большая часть этнографическаго матеріала: пѣсни, сказки и народные обычаи, поступила въ библиотеку Академіи наукъ. Въ болгарскомъ Сборникѣ напечатаны доставшіеся болгарамъ пѣсни. Приготовивъ къ изданію академіческій Сборникъ, мы въ настоящей статьѣ остановимся пока лишь на отдѣлѣ народныхъ пѣсенъ, отлагая ознакомленіе съ остальнымъ матеріаломъ до выхода всего сборника въ цѣлости.

Отъ кого и гдѣ записаны пѣсни, это въ сборникѣ не отмѣчено, какъ слѣдуетъ. Мѣстами однако есть указанія. Въ самомъ началѣ пѣсенъ противъ первого №-ра стоитъ: отъ Мину Лагад; вѣроятно это имя лица, отъ котораго записаны пѣсни. Возлѣ № 6: песме отъ г. Д. Шишко Висока. Здѣсь имя лица и мѣстности. Разумѣется извѣстное село Висока, о которомъ въ самомъ концѣ сборника помѣщена статья: Обичай въ Висока и на други села отъ армасани до отѣбратките. Передъ № 161 отмѣчено: отъ Никола маисторъ. Дальше никакихъ указаній не имѣется.

Но по языку можно заключить, что всѣ пѣсни записаны въ той мѣстности, гдѣ сохранились слѣды носового произношенія. Благодаря этому весь сборникъ представляетъ большой интересъ.

Значительное число пѣсенъ относится къ числу эпическихъ. Большинство ихъ принадлежитъ къ циклу кралевича Марка. Вполнѣ справедливо то мнѣніе, что этотъ циклъ господствуетъ въ западно-болгарскихъ краяхъ и особенно въ Македоніи. Сборникъ Верковича интересенъ тѣмъ, что свидѣтельствуетъ о распро-

страненности пѣсень о Маркѣ на самомъ югѣ Македоніи въ мѣстахъ, близкихъ къ Солуню. Въ восточную Болгарію эти пѣсни проникали рѣже. Въ сборникѣ Венелина напр. всего только двѣ пѣсни воспѣваютъ Марка. Въ сборникѣ Каравелова точно также только три пѣсни о Маркѣ записаны въ придунайской Болгаріи.

Въ сборникѣ Миладиновыхъ едва-ли не всѣ пѣсни, касающіяся Марка, принадлежать Македоніи, насколько обѣ этомъ можно заключать по языку. Въ связи съ этимъ интересно, что размѣръ пѣсень, записанныхъ въ Македоніи и Западной Болгаріи, десятислоговой, общій съ сербскимъ размѣромъ. Восточно-болгарскіе варианты напротивъ записаны восьмислоговымъ размѣромъ.

Имѣя въ виду подраздѣленіе пѣсень изъ цикла Марка кралевича на опредѣленныя группы, какъ это сдѣлано у Халанского и Иорданова, предлагаемъ пересказъ пѣсень, занесенныхъ въ сборникъ Верковича.

1. Дѣтство Марка Кралевича.

Въ Сб. Мин. Нар. Просв. т. VI, стр. 133 есть разсказъ о томъ, какъ Марко получилъ силу, пососавъ молока изъ перекинутыхъ черезъ плечо грудей салмодивы.

У Верковича эта тема служить сюжетомъ пѣсни № 196.

Марко, еще малое, но неукротимое, удалое дитя пасъ сельскихъ коровъ и телятъ, былъ слабѣе всѣхъ другихъ дѣтей. Одинъ разъ, когда онъ вышелъ въ поле съ своимъ стадомъ, другія дѣти его побили. Марко ушелъ тогда въ зеленый лѣсъ, тамъ нашелъ двухъ маленькихъ ребятъ въ люлькѣ, Марко сѣлъ качать дѣтей. Тогда вышли юды-самовилы и спрашиваютъ Марка, зачѣмъ онъ пришелъ въ лѣсъ. Марко разсказываетъ, что ему стало жаль плакавшихъ дѣтей. Тогда старая юда-самовила вынула свои бѣлые груди и предложила накормить молокомъ. Марко пососалъ. Самовила послала его поднять камень. Марко хотѣлъ, но не могъ. Самовила дала ему еще пососать отъ

своей груди. Марко пососалъ и послѣ того не только поднялъ, но и далеко бросилъ камень.

Съ тѣхъ поръ онъ сталъ навѣки юнакомъ. Когда послѣ того онъ вернулся къ телятамъ, дѣти вышли его побить. Но Марко схватилъ одного теленка и побилъ ихъ теленкомъ. И сталъ Марко извѣстнымъ по всей землѣ юнакомъ.

Въ прозаическомъ разсказѣ Марко также сосетъ молоко въ два приема и его сила увеличивается. Онъ также бросаетъ камень. Но тамъ еще прибавлено, что и извѣстный Шарац сербскихъ пѣсенъ, Шарколия болгарскихъ, чудесный кошь Марка Кралевича получаетъ свою силу, немного соснувъ отъ груди самовилы. На мѣстѣ плачущихъ дѣтей въ разсказѣ небольшая лѣвочка, которая нравится Марку, опъ ее цѣлууетъ и обнимаетъ, и она, дочь самодивы, дѣлается его посестримой. Цѣлье десять лѣтъ Марко ходилъ съ ней по берегу Дуная, и въ другихъ мѣстахъ, насыпалъ по полямъ холмики и игралъ съ ней.

2. Сватовство Марка.

Две пѣсни касаются сватовства Марка за Елену изъ Будима. Мать не позволяетъ взять въ свадебную свиту удалыхъ племянниковъ Марка. На свадьбѣ является пужака показать удальство въ исполненіи задачи, которая даетъ право взять невѣсту. Марко въ затрудненіи. Печально бьютъ барабаны играютъ свирѣли. Ихъ звукъ слышитъ младшій племянникъ и, явившись на свадьбу, выручаетъ дядю. Другая пѣсня № 160 болѣе короткая и съ поздними эпическими чертами.

1. № 5. Краль Марко посватался къ Еленѣ изъ Будима града. Позвалъ три села кумовъ и другія три села сватовъ; закололъ девять телятъ, ёдятъ, пьютъ, веселятся. Пришло время идти за невѣстой и они отправились въ Будимъ. Когда они подошли близко къ Будиму, вышли изъ города семьдесятъ юнаковъ, поставили рядомъ семьдесятъ тяжелыхъ палицъ и говорятъ Марку: кто юнакъ изъ юнаковъ перескочить черезъ нихъ, тому дадимъ

Елену изъ Будима. Не знаетъ, какъ быть король Марко. Между сватами иѣтъ такого удальца. Говорятъ тогда Марку, зачѣмъ онъ не позвалъ на свадьбу своихъ племянниковъ, которые пьяницы и ссорщики, но за то и удальцы. Горюетъ пристыженный Марко, жалуется, что мать не дала ему взять племянниковъ. Жалобно тогда забилъ барабанъ, заиграли свирѣли, словно плакали. Услыхали это три молодца, марковы племянники, и опечалился младшій изъ нихъ, говорилъ онъ милымъ братьямъ. Выйду я въ зеленый лѣсъ разгуляться, забыли настъ позвать на свадьбу дяди, печальные звуки барабана и свирѣлей навели его на мысль, что въ Будимѣ у дяди состязанье и иѣтъ у него богатыря удальца. Онъ поскакалъ въ Будимъ па помошь къ дядѣ, па пути встрѣтилъ чернаго монаха, спрашивается его, что тутъ зассора. Монахъ отвѣчаетъ нессора, а свадьба. Просить у монаха его рясу, а самъ даетъ ему свою золотомъ шигую одежду; помѣнявшись одеждой, ушелъ къ дядѣ какъ черпый монахъ и говорить ему, отчего не позвали па свадьбу его племянниковъ. Марко объясняется, что мать это не позволила. Подобралъ тогда монахъ свою рясу и перескочилъ черезъ семьдесятъ палицъ. И говорить будимскимъ юнакамъ: привезите семьдесятъ телѣгъ, найдется ли у васъ, кто бы ихъ перескочилъ. Никто не могъ этого кромѣ него сдѣлать. Будимскіе юнаки предлагаютъ ему другое состязанье. Вывели девять дѣвушекъ, одѣтыхъ въ одноцвѣтныя платья. Говорить имъ монахъ: я брошу мелкій жемчугъ, всѣ наклонитесь его подбирать, не наклоняйся только моя тетка. И когда она его послушалась, онъ схватилъ ее за рукавъ, привелъ къ Марку и говорить ему: вотъ тебѣ, дядя, Елена невѣста. Говорить ему Марко: будь благословенъ племянникъ, ты ее досталъ, да будетъ она твоя. Племянникъ отвѣчаетъ дядѣ: съ меня довольно моего юначества, возьми Елену свою невѣstu изъ Будима города.

2. Марко сватался къ Еленѣ изъ Будима. Мать Елены, заплетая на дворѣ ся косу, учila дочь, проходя мимо церкви, креститься, проходя мимо джамії, поклониться по турецки. На-

сталъ день свадьбы. Созвалъ Марко 300 сватовъ, 300 кумовъ. Пошли за невѣстой въ городъ Будимъ, пришли въ домъ Елены, взяли ее и отправились въ путь. Когда проходили мимо турецкой джамій, Елена поклонилась по турецки. Разгнѣвался на это Марко, вытащилъ изъ за пазухи острый ножъ и закололъ Елену въ сердце. Она умерла среди пути, тамъ вырыли ей могилу и опустили ее въ гробъ. На могилѣ Елены выросла желтая роза.

3. Уводъ жены Марка.

Въ отсутствіе Марка уводить его жену Гино латинянинъ. Марко видѣть сонъ, предвѣщающій это несчастье, ёдетъ домой и застаетъ полное разоренье. Мать отправляется его на св. Гору. Марко надѣваетъ на себя мопашескую рѣзу и въ ней ёдетъ въ домъ Гина, пирующего пиръ. Пѣспя кончается тѣмъ, что Марко убиваетъ жену Гина и возвращается домой съ своимъ сыномъ.

№ 165. Мать краля Марка говоритъ сыну: порази тебя Богъ Марко, что ты ходишь не по добрымъ путямъ. А Марко пьеть вино у Желѣзныхъ воротъ, подаетъ ему вино Гирга Маргарита. Успулъ Марко у нея на колѣняхъ. Недолго спалъ, а много видѣль сновъ; и проснувшись, дивился. Маргарита, замѣтивъ это, спрашиваетъ, почему онъ удивляется. Марко разсказываетъ, что онъ видѣль во снѣ свой широкій дворъ весь въ туманѣ, покрытый мелкой росой. Маргарита объясняетъ, что темный туманъ — гнѣвъ матери, мелкая роса — слезы жены. Словно ужаленный змѣй, сѣлъ Марко на быстрого коня и побѣжалъ домой. Смотритъ съ изумлениемъ: разграблены его палаты, ихъ разграбилъ Гино Латинянинъ. Поскакалъ за нимъ Марко и чуть было его не догналъ. Вернувшись, спрашиваетъ мать, что ему дѣлать. Мать ему говоритъ: иди, сынъ, на Святую Гору, одѣнься чернымъ монахомъ. Марко отправился и оставался монахомъ ровно три года, отпустилъ бороду до пояса. А Гино Латинянинъ въ праздникъ пасхи въ его домѣ созываетъ пиръ,

празднуетъ праздникъ. Взялъ тогда Марко серебряный котелокъ и позолоченый крестъ, идетъ святить воду. Сѣль онъ верхомъ на коня и поѣхалъ въ домъ Гина. Постучался у воротъ, вышла жена Гина и спрашиваетъ, кто стучитъ. Марко отвѣчаетъ, что онъ монахъ, посланный со святой горы освятить у нихъ воду. Жена Гина отворила ворота и говоритъ ему: старый монахъ, не узнаю твою одежду, но узнаю коня, на которомъ ты сидишь верхомъ, это конь краля Марка. Марко отвѣчаетъ: да это конь краля Марка, подаренный имъ Святой Горѣ. Дала себя обмануть жена Гина, растворила всѣ ворота, и Марко вошелъ на дворъ Гина и сразу поднялся въ гостиницу. Онъ вошелъ въ комнату; когда поставили столъ, начали пить ракію, всѣ поднялись на ноги. Предложили Марку освятить воду и благословить трапезу. Послѣ того обѣдали, а потомъ опять пили вино. Выпивъ вина достали острую дамасскую саблю Марка, чтобы испытать, кто можетъ ее вынуть изъ ноженъ. Первый взялся Гипо, вынулъ ее на два пальца, а затѣмъ тащили ее всѣ по очереди, кто на полъ пальца, кто па одинъ палецъ, сынъ Марка вытащилъ ее на половину. Гино Латинянинъ говоритъ: онъ будетъ, какъ краль Марко. А черный монахъ говоритъ: онъ па него будетъ похожъ, потому что его сынъ. Не былъ это черный монахъ, а самъ Марко. Предлагаютъ ему вытащить саблю. Марко взялъ и вытащилъ саблю изъ ноженъ и говоритъ, хотите ли, чтобы я пѣль вамъ пѣсню, или плясалъ танецъ. Ему отвѣчаютъ: какъ тебѣ угодно. И не началъ еще Марко плясать, Гино просить его не плясать, боится, что Марко испортитъ его домъ. Марко на это говоритъ: жаль тебѣ дому, не жаль своей головы. И отсѣкъ Гину голову, гостей выгналъ, разрубилъ на куски его жену, плѣнилъ его богатство, взялъ его сына и вернулся къ себѣ домой.

Другая пѣсня того же сюжета № 36 отнесена къ Янкулу, у которого увозить жену Стефанъ.

Сѣли три юнака въ Солунѣ въ главной Солунской корчме
ѣдятъ хлѣбъ, пьютъ вино, закусываютъ сладкимъ и бесѣдуютъ.

Это были юнакъ Стефанъ, краль Марко и Янкуль. Обращаясь къ побратимамъ, говорить Янкуль: милые побратимы, ёмъ я хлѣбъ, а хожу голодный, пью вино, а трезвъ, есть у меня жена, а сплю безъ жены. Услыхаль это Стефанъ, тайкомъ взялъ зажегъ кусокъ рогожи и всыпалъ пеплу въ вино и даль Янкулу выпить. Янкуль опьянѣль и уснулъ. Тогда Стефанъ снялъ у него съ пальца серебряный перстень, сѣль верхомъ на его коня и поѣхалъ въ домъ Янкула. Вызываетъ его жену и говоритъ ей, что Янкуль заболѣль и послалъ его къ ней, чтобы взяла она все свое имущество и скорѣѣ хала вмѣстѣ съ сыномъ. Жена Янкула исполнила наказъ мужа и сѣла на коня сзади, а Стефанъ прикрылъ ее какъ молодую невѣсту. Ёдуть они въ Солунь. Янкуль проснулся, пропрѣзвился, видитъ, неѣтъ Стефана, сѣль на коня и поѣхалъ домой. На полпути встрѣтилъ Стефана съ своей женой, которая была закрыта, и онъ не могъ ее узнать. И говоритъ Стефану, пусть его невѣста сойдетъ съ коня и попѣлуетъ ему руку, а онъ подаритъ ей дорогой подарокъ. Стефанъ не соглашается, ссылаясь на запрещеніе отца и матери. Янкуль ударили коня и поѣхалъ домой. Пріѣзжаетъ и видитъ его домъ отворенъ, неѣтъ ни жены, ни сына, ни имущества. Обѣщаетъ тогда Янкуль коню напоить его виномъ и накормить пшеницей, если они настигнутъ Стефана у Вардарскихъ воротъ, иначе опъ отрубить коню всѣ четыре ноги и бросить его въ море. Когда подѣхали туда, Стефанъ успѣлъ уже проѣхать съ молодой женой Янкула. Янкуль испоптилъ надъ конемъ угрозу, а Стефанъ увелъ его жену къ себѣ въ домъ и изъ страха передъ Янкуломъ заперъ ворота. Пришелъ въ Солунь Янкуль и видитъ ворота заперты. Онъ вернулся, переодѣлся въ монашескую рясу, а подъ рясой спряталъ дамасскую саблю и отправился къ воротамъ Стефана. Вышелъ привратникъ и спрашивается, кто тутъ. Янкуль говоритъ, что онъ старый монахъ и пришелъ на свадьбу Стефана. Его пустили. Онъ сейчасъ же поднялся въ залу и тамъ нашелъ всѣхъ побратимовъ Стефана, семь поповъ вѣнчаютъ Стефана съ его молодой женой. Вынулъ онъ было саблю, но всѣ были на

ногахъ, и онъ подождалъ, когда кончили вѣнчанье. Послѣ вѣнчанья невѣсту посадили на мѣсто (у кофютъ, обычно кѣтъ), и всѣ сѣли по ряду, старый монахъ сѣль съ краю, а Янкулова сына посадили съ старымъ монахомъ. Начали ёсть и пить, вынули Янкулову чашу, которая вмѣщала семьдесятъ литровъ вина, и обносили всѣхъ по порядку, никто не могъ ее выпить, дошла очередь до старого монаха; налили ему, и онъ выпилъ ее до послѣдней капли. Такжѣ и сынъ Янкула. Говорить тогда жена Янкула изъ подъ красной вуали: и сынъ Янкула сталъ такимъ же пьяницей, какъ отецъ. Разгневался тогда Янкуль, снялъ съ себя монашескую рясу, бросилъ ее въ сторону, вынулъ дамасскую саблю, размахнулся направо и налево и зарубилъ со Стефаномъ всѣхъ, кто былъ на его свадьбѣ, оставилъ въ живыхъ только невѣсту съ сыномъ. Тогда узнала его жена и съ плачемъ умоляла пощадить ее: она была обманута. Но Янкуль схватилъ ее за косу и разрубилъ на мелкіе куски, взялъ сына и вернулся къ себѣ домой.

Невѣрность жены и постигающая ее за это кара есть и еще въ пѣснѣ № 26. Въ ней дѣйствующими лицами являются уже поздніе герои гайдуцкаго периода.

Ангелина, моя милая, одолѣль меня сонъ, не знаю къ добру, или къ худу. Запоемъ громкую, длипную пѣспю, быть можетъ я тогда разгуляюсь. Ангелина отвѣчаетъ: Иванъ, поповъ сынъ, нельзя здѣсь пѣть пѣспю, здѣсь ходить Русъ воевода съ тридцатью юнаками. Иванъ просить Ангелину запѣть пѣсню, пусть выходитъ Русъ воевода. Ангелина запѣла. Вышелъ Русъ воевода и его тридцать юнаковъ. Иванъ обращается къ Ангелинѣ: кого изъ этихъ юнаковъ ты любишь, напой того трехгодовалымъ виномъ, кого неѣть, холодной водой. Ангелина напоила виномъ Руса воеводу, водой Ивана. Иванъ разгневался, вынулъ саблю, зарубилъ Руса воеводу и его дружину. Расправившись съ ними, вернулся къ Ангелинѣ, схватилъ ее за русую косу и разрубилъ на мелкіе куски.

4. Сынъ Марка замѣняетъ уродливаго жениха.

Заслуживаетъ вниманія пѣсня № 176, являющаяся варіантомъ къ № 84 изъ сборника братьевъ Миладиновыхъ, который стоить одиноко, какъ можно видѣть изъ книги Халанскаго III, стр. 656. Въ пѣснѣ Верковича нѣтъ пріуроченія свадьбы къ латинской землѣ. Пѣсня начинается обращеніемъ къ Марку: Эй ты Марко, краль Марко, слышаль ты, или нѣтъ. Играютъ свадьбу съ немилымъ женихомъ, просятъ у Марка сына замѣнить жениха. Обѣщаютъ въ его пользу отдать всѣ свадебные дары, но невѣста достанется настоящему жениху, который очень безобразенъ. Нижняя губа доходитъ до десенъ коренныхъ зубовъ, верхняя приподнята до самыхъ глазъ. Не пойдетъ за такого жениха невѣста. Марко согласился отпустить своего сына, подковаль ему коня, подковами изъ чистыхъ карагрошей съ гвоздями изъ чистаго золота. Сѣль верхомъ на коня сынъ Марка, поѣхалъ на свадьбу. Двинулись въ путь всѣ сваты, впереди ёдетъ сынъ Марка. Когда прїѣхали въ домъ невѣсты, онъ поднялся въ залу, ему подарили драгоценныя дары. Взяли невѣсту и поѣхали назадъ.

Начиная отсюда наша пѣсня расходится съ помѣщенной у Миладинова. Невѣста не принимаетъ участія въ нарушеніи уговора и сынъ Марка увозить ее къ себѣ. Сваты были недовольны, что всѣ свадебные подарки достались Маркову сыну. Стало они ему предлагать отдать подарки настоящему жениху. Сынъ Марка напоминаетъ имъ, какой былъ уговоръ. Сваты не соглашались на это. Тогда сынъ Марка разсердился и погналъ своего коня. Развернулась вуаль невѣсты, она смотритъ и говоритъ: счастье матери, которая родила такого сына, сестрѣ, которая ухаживала за такимъ братомъ, и мнѣ, что я нашла такого жениха. Сваты объясняютъ невѣстѣ, что это не ея женихъ, а замѣститель жениха. Посмотри между сватами, кто самый безобразный, онъ твой женихъ. Разсердился сынъ Марка, вынулъ саблю, перебилъ

всѣхъ сватовъ, взялъ себѣ невѣсту и привезъ ее къ отцу. Марко позвалъ поповъ, они повѣнчали его сына.

5. *Марко и Муса.*

№ 199 это прекрасная пѣсня о томъ, какъ Марко убиваетъ Мусу, залегшаго дороги и не дающаго никому проѣзду. Отъ вариантовъ, указанныхъ Іордановымъ, есть отличія. Въ началѣ характерное описание темницы, въ которой заключенъ Марко. Когда Марка выпускаютъ на свободу съ тѣмъ, чтобы онъ отправился противъ Мусы, интересная подробность касается его коня, которымъ овладѣли евреи и пользуются имъ для перевозки тяжестей. Встрѣча Марка съ Мусой обставлена гораздо занимательнѣе, чѣмъ напр. въ VIII томѣ сборника. Когда во время поединка Марко призываетъ Цвету самовилу, то бытовой интересъ представляетъ упрекъ вилы, что не следовало вступать въ борьбу въ воскреснѣе. Марко находитъ у Мусы семь сердецъ вместо девятнадцати. № 199. Краля-пашу Марка заключили въ Солунѣ въ темную темницу въ башнѣ. Въ темницѣ вода по колѣна, была тамъ черная ящерица, которая губила всякаго, кто въ нее ходилъ. И вышла черная ящерица, чтобы пожрать и Марка. Когда она открыла свою широкую пасть, желая проглотить Марка цѣликомъ, онъ всунулъ ей въ пасть юнацкое колѣно и разорвалъ ее. Пошелъ смрадъ отъ ящерицы, не могъ терпѣть зловонія Марко. И пришла одна старуха. Марко проситъ ее принести немного соли, чтобы посолить ящерицу и остановить запахъ. Она принесла ему соли, Марко посолилъ и просидѣлъ въ темницѣ ровно три года. А его побратимъ Муса затворилъ всѣ пути, которые вели отъ святой земли, всѣхъ кто ни проходилъ, убивалъ. Всѣ паши и визири совѣщаются между собой, какъ бы отъ него избавиться. Говорить имъ царь: пошлемъ пашу Марка, другому никому не справиться съ Мусой. И паши вошли въ темницу, обѣщаютъ вывести Марка, если онъ возьмется погубить Мусу. Марко проситъ три дня сроку, чтобы пить выдержанного три года вина и

найти своего быстрого коня, которого онъ не видалъ три года. Выпустили Марка, привели его во дворецъ. Марко просить поднять его на башню, кликнуть коня. Вышелъ Марко и во весь голос крикнулъ, заржалъ въ отвѣтъ ему быстрый конь. Услышалъ Марко и узналъ голосъ коня, вышелъ къ воротамъ и видитъ: на его конѣ жиды возятъ глину. Схватилъ его Марко и не можетъ узнать своего коня, жиды всего его израили. Конь заржалъ и говоритъ Марку: или ты захотѣлъ посмотреть меня въ жицкихъ рукахъ, какъ ношу я глину въ двухъ корзинахъ? Сбросилъ тогда Марко съ него корзины, сѣлъ верхомъ и побѣжалъ во дворецъ. Пили тамъ вино три дня и три ночи. Опоясаль Марко дамасскую саблю, сѣлъ на коня и ёдетъ прямо на широкое поле, гдѣ проходятъ путники во святую землю. Тамъ нашелъ Мусу, но не могли узнать другъ друга. Марко спрашиваетъ, гдѣ Муса. А этотъ отвѣчаетъ: Муса ёздитъ въ зеленомъ лѣсу. Марко повернулъ коня. Тогда Муса стала раскаиваться, что обманулъ Марка. Онъ побѣжалъ въ лѣсъ и, выѣхавъ къ Марку, спрашиваетъ, зачѣмъ ищешь ты Мусу? Марко говоритъ, что хочетъ съ нимъ биться. Муса объясняетъ, что онъ не даетъ проѣзду на дорогахъ изъ любви къ Марку, котораго заключили въ темницу. Марко напоминаетъ, что нельзя нарушать царское повелѣніе. Тогда Муса объявляетъ, что онъ и есть, кого ищеть Марко, и предлагаетъ бороться. Они боролись три дня и три ночи, Марко всадилъ Мусу въ землю по колѣна. Муса поднялся и вогналъ Марка по самый поясъ. Марко зоветъ себѣ помощь Цвету юду самовилу. Услыхала его старая юда самовила и говоритъ ему: а кого я учила не вступать въ борьбу въ воскресенье, поищи поскорѣе у себя за пазухой потайной ножъ. Нашелъ Марко ножъ и закололъ Мусу въ то мѣсто, гдѣ у него бились семь сердецъ, и распоролъ ему внутренности. Смотритъ пять сердецъ у него были въ покой, бились только два сердца. Взяль Марко русую голову Мусы и привезъ въ Солунь. Такъ освободился Марко отъ заключенія въ темницѣ.

6. Марко и Филипп Мадьяринъ.

Филиппъ Мадьяринъ похвалился въ постель своей женѣ и говорить ей: милая жена, я погубилъ семьдесятъ душъ, еще остается мнѣ погубить троихъ: краля Марка, Новака и Секулу.

Услыхалъ его краль Марко, ёсть онъ чеснокъ съ солью и смѣется себѣ въ усъ. Мать распрашиваетъ его, надъ чѣмъ онъ смѣется, надъ ее ли старостью, или надъ неудачнымъ обѣдомъ. Марко объясняетъ, что онъ смѣется на похвальбу Филиппа Мадьярина, и спрашиваетъ, ждать ли ему Филиппа у себя дома, или идти въ его домъ. Мать совѣтуетъ лучше отправляться, чѣмъ оставаться дома. Марко тогда осѣдалъ коня, взялъ съ собой чашу въ семьдесятъ окъ и свою тяжелую палицу и поѣхалъ къ холодной водѣ. Нашелъ тамъ семьдесятъ рабынь мыли шерсть. Спрашиваетъ Марко, гдѣ домъ Филиппа. Онъ ему отвѣчаютъ: тамъ вверху, чтобы ему запустѣть. Тамъ стоитъ высокое дерево, въ деревѣ семьдесятъ человѣческихъ головъ. Марко распрашиваетъ, въ чемъ заключается юначество Филиппа. Онъ ему отвѣчаютъ, что онъ на тощакъ поднимаетъ вотъ эту плиту до колѣнъ. Марко взялъ и бросилъ ее такъ далеко, что ея не было видно. Заплакали рабыни. Марко обѣщаетъ ихъ освободить отъ рабства черезъ три часа, и пошелъ къ воротамъ Филиппа. Крикнулъ разъ, три раза постучался. Вышла молодая жена Филиппа; совѣтуетъ Марку бѣжать, если ему дорога на плечахъ русая голова. Разгнѣвался Марко, ударилъ въ ворота правой ногой и выворотилъ ихъ на середину двора, а молодую жену Филиппа разъ ударилъ и чуть не убилъ ее до смерти. Уходя, говоритъ: я буду въ корчмѣ, когда придетъ Филиппъ, тамъ меня найдетъ. Сѣлъ пить вино, выдержанное три года, держитъ въ правой рукѣ ведерную чашу. И когда пришелъ Филиппъ и издали еще съ бранью къ нему обратился, Марко бросилъ въ него чашу съ виномъ, ударилъ ему между двухъ глазъ, глаза Филиппа выпали на землю, и самъ онъ испустилъ духъ. А Марко сѣлъ на коня, поѣхалъ въ домъ Филиппа, взялъ

все его богатство, освободилъ семидесять рабынь и вернулся къ матери юнакомъ.

7. Марко и дѣти Дукатинче.

№ 85 представляетъ интересный варіантъ къ пѣснямъ о борьбѣ Марка съ дѣте Дукатинче. Изъ пѣсенъ на эту тему № 85 болѣе подходитъ къ записи, напечатанной въ XIII томѣ Сборника стр. 85. Въ этой пѣснѣ Марко спрашивается, есть ли юнакъ, который бы его превосходилъ, вечернюю звѣзду, въ сборникѣ Верковича — утреннюю. Вместо женщинъ, бѣлящихъ полотно, въ нашей пѣснѣ малая дѣти, пасущія коровъ на лугу Дугана града. Марко застаетъ дитя не па колѣняхъ матери, а на софѣ, читающимъ книгу и пьющимъ ракію. Дитя предлагаетъ ему пить и ёсть, Марко отказывается. Ждутъ состязаться. Сначала бросаютъ камень. Послѣ того Ждугъ въ церковь св. Софію, какъ и въ XIII томѣ сборника: во ф златни черкови.

№ 85. Сѣль Марко ужинать соли съ перцемъ и краснымъ виномъ. Засвѣтилась на его широкихъ плечахъ утренняя звѣзда. Говорить ей Марко: есть ли, звѣзда, юнакъ большій, чѣмъ я. Она ему отвѣчаетъ: онѣмѣть бы тебѣ Марко и ослѣпнуть, молчи лучше. Есть дитя Дукатинче, семилѣтокъ, въ семь разъ большій, чѣмъ ты, юнакъ. Разгневался Марко, вскочилъ на юнацкія ноги, осѣдалъ коня, сѣль верхомъ и поѣхалъ къ лугамъ города Дугана. Засталъ тамъ малыхъ дѣтей, пасли коровъ. Говорить имъ Марко. Помогай вамъ богъ, малая дѣти, а они ему въ отвѣтъ: дай Богъ тебѣ всего хорошаго, незнаемый памъ воинъ. Марко спрашиваетъ, гдѣ живетъ дитя Дукатинче. Они ему разсказываютъ. Какъ пойдешь ты на верхъ, пройдешь черезъ городъ Дуганъ, черезъ рынокъ посреди города, тамъ найдешь золотую софу. На ней сидить дитя Дукатинче, читаетъ книгу, пьетъ лютую ракію. Марко идетъ, приходитъ на указанное мѣсто. Обмѣниваются привѣтствіями. Дитя Дукатинче приглашаетъ сѣсть и выпить вмѣстѣ. Марко отказывается, онъ не пить, не ёсть пришелъ,—есть у него трехгодовая водка, семилѣтнее желтое вино — а по-

мѣряться силами. Дитя Дукатинче просить сходить домой проститься съ старымъ отцомъ, съ братомъ и сестрой, родными и двоюродными, и всѣми другими родными. Простился, пошелъ въ конюшню, осѣдалъ быстрого коня. И поѣхали вмѣстѣ съ Маркомъ верхами. Марко впереди, за нимъ дитя Дукатинче, мостовые взрываютъ копытами, перепрыгиваютъ стѣны. Выѣхали на луга, нашли тамъ холодный камень. Состязаются въ метаніи камня. Марко бросиль камень на разстояніе, какое занимаетъ конакъ. Дитя Дукатинче бросилъ его черезъ двѣ планины, три долины, искали камень три дня и три ночи, не могли найти. Разгнѣвался Марко и говоригъ: ей ты, дитя Дукатинче, пойдемъ въ прекрасную церковь св. Софію и тамъ побратаемся во имя св. Ивана. Согласился дитя Дукатинче. Поѣхали ко святой Софіи.

Когда были на полпути, Марко говоритъ. Иди впередъ, дитя Дукатинче, я здѣсь человѣкъ чужой, да и конь у меня неукротимый. Далъ себя обмануть дитя Дукатинче. Ударилъ быстрого коня, поѣхалъ впередъ, а Марко за нимъ. И вынуль Марко дамасскую саблю и ударилъ его по головѣ, разсѣкъ его на двое, а дитя Дукатинче и не почувствовалъ. Говорить: незнаемый мнѣ воинъ, не знаю къ добру или не къ добру, захотѣлось мнѣ єсть. А Марко ему говоритъ: должно быть захотѣлось тебѣ ракіи, ударъ коня, разгони его. Дитя Дукатинче ударилъ его, разогналъ и тогда распался на двое, одной половиной на право, другой на лѣво.

8. Марко освобождаетъ три ряда рабовъ и рабынь.

Пѣсня много уступаетъ варіанту, помѣщенному въ сборнику XI, 25, который разбираетъ Юрдановъ. Никакого пріуроченія къ мѣстности въ ней нѣть.

№ 177. Ёдетъ краль Марко въ день пасхи въ прекрасную церковь, большой съ позлащенными главами монастырь. Его жена Елена осѣдала ему быстрого коня, кладеть ему потайное оружье и говоритъ коню. Если случится мелкаяссора, не говори Марку, гдѣ оружье, если дѣло дойдетъ до большой битвы, тогда

скажи. Вышелъ Марко, сѣлъ на коня, поѣхалъ въ монастырь. На полдорогѣ посмотрѣлъ онъ вверхъ и внизъ. Увидалъ чернаго арапа, связалъ арапъ 70 душъ женщинъ и мужчинъ и молодыхъ невѣстъ, ведетъ ихъ въ рабство, всѣ они съ мелкими цѣпями на шеѣ. Увидалъ ихъ Марко и испугался; не было съ нимъ сабли и палицы, повернулъ было онъ домой за острой саблей. А конь тутъ и говоритъ: краль Марко не бойся, не возвращайся домой, а поищи у меня съ правой стороны, найдешь потайное оружье, что положила тебѣ жена. И нашелъ Марко на правой сторонѣ острую саблю, на лѣвой тяжелую палицу. Вернулся къ черному арапу и говоритъ ему: черный арапъ, куда ведешь ты этихъ рабынь? Арапъ ему на это: иди прочь отсюда, желтый гяуръ. Разсердился тогда Марко, вынулъ острую саблю и отсѣкъ арапу черную голову, освободилъ 70 рабынь. Пошли вмѣстѣ въ златоглавый монастырь. Какъ пришли Марко, поднялся прямо въ покой владыки и говоритъ ему: святой владыка, до моего прихода кончилась служба, я остался безъ причастья. Причасти меня, владыка, я убилъ сегодня чернаго арапа и спасъ 70 рабынь. Владыка велѣлъ звонить въ колокола, снова начали ради краля Марка служить обѣдню причастили его и 70 рабынь вмѣстѣ съ нимъ. И когда онѣ вышли изъ церкви, краль Марко подарилъ каждой по золотому, разошлись онѣ по домамъ.

9. *Марко и арапъ.*

Пѣсня № 164 относится къ числу тѣхъ, въ которыхъ султанъ посыаетъ схватить Марка¹⁾. Персодѣвшійся аѳонскимъ монахомъ арапъ вызывается это сдѣлать. Обманомъ ему это удается, онъ уводитъ Марка. На пути Марко призываются 70 юнаковъ. Изъ нихъ Секула спасаетъ Марка. Наиболѣе близкій варіантъ будетъ № 143 Миладинова.

Марко строить монастырь вблизи отъ широкаго Скопля.

1) Халанскій III, стр. 484—493.

Султанъ Сулиманъ черезъ глашата въ городѣ Солунѣ вызываетъ охотника пойти къ Скоплю схватить пашу Марка. Вызовъ принимаетъ черный арапъ. Онъ проситъ нарядить его въ монашескія одежды. Одѣвшись монахомъ, садится на быстрого коня и ёдетъ въ Скопле. Явившись къ Марку, поздравляетъ его съ постройкой монастыря и, выдавая себя за посланца Святой горы, предлагаетъ устроить святой колодецъ. Марко отказывается принять это предложеніе. Тогда монахъ предлагаетъ Марку попѣловать крестъ. Марко наклонился попѣловать крестъ, и арапъ накинулъ ему на шею цѣпь, сѣлъ на коня и поѣхалъ, а за нимъ бѣжитъ Марко, перескакивая глубокіе овраги. На пути крикнулъ Марко во весь голосъ, его услыхали бывшіе въ зеленомъ лѣсу 70 юнаковъ. Это были дитя Секула, воевода Янкуль, гайдукъ Груйо, дитя Дукатипче, банъ Янкуль, Милошъ Кобиличъ, юнакъ Стефанъ. Всѣ они пили вино, когда услыхали голосъ Марка. Тотчасъ же пустились по широкому полю. Увидавъ чернаго арапа и Марка, вышли они передъ арапомъ, какъ лютые змѣи, и говорять: подожди черпый арапъ, подожди, не чудо поймать обманомъ, а вотъ поймай на полѣ (въ поединкѣ). Арапъ въ отвѣтъ на это бросиль тяжелую палицу, Секула поймалъ ее лѣвой рукой и говорить арапу: подожди, бросить и Секула свою небольшую палицу. И онъ ударилъ арапа въ глаза: пали его черные очи на землю. Такъ спасли краля Марка. Говорить тогда Марко: братья мои семь юнаковъ, дайте мнѣ острую дамасскую саблю, ему дали, и онъ отсѣкъ арапу черную голову. Взяли ее семь юнаковъ и поѣхали въ Солунь. Идутъ прямо къ Сулиману и говорятъ: что за подвигъ обманомъ схватить юнака при помощи переодѣтаго монахомъ арапа, вотъ его черная голова. Сулиманъ испуганъ и просить прощенія, оставляетъ юнаковъ дѣлать, что они дѣлали раньше.

10. Марко и Турки.

Пѣсня № 178 изображаетъ борьбу Марка, Секулы и Дукатинча съ раздѣленной на три стана турецкой силой. Марку

достается биться съ арапами и съ однимъ изъ нихъ онъ могъ справиться только при помощи своихъ товарищъ.

№ 178. Пьютъ вино три юнака, вино пьютъ трехгодовалое въ зеленомъ лѣсу на высокой планинѣ. Тамъ они пили три мѣсяца. Это были Краль Марко, Секула и дитя Дукатинче. Марко упрекаетъ своихъ побратимовъ за то, что они, какъ свиньи, пьютъ вино три мѣсяца, зоветъ подняться на планину и посмотретьъ на широкое поле, высохло оно или позеленѣло. Поднялись, и что же видятъ, какое чудо, поле не высохло и не позеленѣло, а наполнено тремя станами сильного войска. Въ одномъ черные арапы, въ другомъ молодые янычары, въ третьемъ «каргелі» (= кирджали)¹⁾. Тогда три юнака подѣлили между собой три стапа. И достались молодые янычары Дукатинчу, кирджали Секулѣ, а Марку черные арапы. Пошли они на широкое поле. Марко вынуль дамасскую острую саблю и тяжелую палицу и напалъ на черныхъ араповъ, всѣхъ перебилъ, остался только одинъ, не береть его ни сабля, ни палица. Секула врѣзался въ среду кирджаліевъ, въ одинъ часъ не осталось въ живыхъ ни одного. Дитя Дукатинче расправился съ молодыми янычарами. Марко зоветъ товарищей къ себѣ на помощь въ борьбѣ съ арапомъ, котораго не рубить сабля, не бьетъ палица: ударишь саблей, изъ усть его выходитъ пламя. Подошли побратимы на помощь къ Марку, зарыли живымъ арапа, и всѣ трое вернулись въ зеленый лѣсъ.

Въ пѣснѣ № 136 въ битвѣ съ турками принимаетъ участіе сынъ Марка. Поздняя черта сказывается въ томъ, что онъ бьется съ потурченцемъ, и при томъ этотъ потурченецъ оказывается его сестрой.

Собрались два войска турки и гяуры, словно муравьи, вступили въ борьбу, боролись три дня и три ночи. И вотъ выѣхалъ

1) Срв. повѣсть Пушкина; въ болгар. словарѣ: кѣрджалиѧ, такъ назывались турецкіе разбойники конца XVIII в., составлявшіе какъ бы независимое иррегулярное войско.

со стороны турокъ удалой молодой турокъ потурченецъ на буйномъ конѣ, говоритъ тогда сынъ Марка кралевича: дай мнѣ, отецъ, твоего быстраго коня, и дай мнѣ твою тяжелую палицу, я выѣду биться съ туркомъ. Боролись три дня и три ночи: не можетъ одолѣть одинъ другого; сѣхались они на своихъ коняхъ, и кони сблизились головами; упала тогда у потурченца съ головы соболя шапка, и узнали тогда борцы, что они были братъ съ сестрой, и тогда они поцѣловались и прекратили бой.

Пѣсня № 195, судя по всему, является отголоскомъ Косовской эпопеи. Косовское поле въ ней искажено въ Коскино поле. Начало этой пѣсни напоминаетъ распространенную въ болгарскихъ сборникахъ пѣсню, въ которой пораженіе хрѣстіанъ въ борьбѣ съ турками объясняется паказаніемъ божіимъ за нарушеніе благочестія. Вторая же половина пѣсни, въ которой героемъ является Милошъ, отсѣкающій султану голову, явно напоминаетъ соотвѣтствующую косовскую пѣсню. И наконецъ послѣдній эпизодъ, въ которомъ одна старуха помогаетъ туркамъ совладать съ Милошемъ, имѣетъ сходство съ такимъ же эпизодомъ въ помѣщенной П. Славейковымъ въ I томѣ Сборника за нар. умотв. и т. д. стр. 51—53 пѣснѣ Гѣркиня Кралица. Въ ней старая баба даетъ такой же совѣтъ, какъ погубить Шишмановича Яне. И начало этой пѣсни близко къ № 195.

Собралось сильное войско на ровномъ полѣ Коскиномъ, сошлись тамъ три юпака. Одинъ былъ краль Марко, другой Секула, третій Милошъ Кобилица. Всѣ были одѣты въ панцыри. Говорятъ между собою. Вошли трое въ церковь, поклонились св. Ильѣ и снова вышли. Секула просить заступничества св. Ильи, но Марко объясняетъ, что святой больше имъ не помогаетъ: Богъ теперь помогаетъ туркамъ. Секула просить показать ему святого. Марко говоритъ ему на это: вонъ св. Илья идетъ впереди съ зеленымъ знаменемъ въ рукахъ. Секула обращается къ святому съ словами: зачѣмъ ты далъ туркамъ землю? Святой отвѣчаетъ: Богъ отдалъ туркамъ землю за ваше безпутство, входите въ церковь на конѣ, причастіе берете съ са-

блей. Секула вызываетъ святого на поединокъ; святыи въ негодованыи, поднявъ руки, перекрестилъ его на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ стоялъ, и сказалъ: Секула въ этомъ только и есть твое юначество. И Секула тотчась же испустилъ духъ. Тогда Милошъ говоритъ Марку: паша Марко, я пойду, отсѣку царю голову, и вѣхалъ онъ верхомъ на конѣ въ самую средину войска, посѣкъ людей безъ счету, дошелъ до самого царя, отсѣкъ ему голову и вернулся назадъ. А Марко его спрашиваетъ: положилъ ли ты его голову сзади? Милошъ отвѣчаетъ: я забылъ, вернусь за этимъ. Марко на это говоритъ: не возвращайся, Богъ не помогаетъ намъ больше, чтобы не погубили тебя турки. Но Милошъ не послушалъ Марка и вернулся. Тамъ была одна старуха, она была колдунья. И говоритъ свирѣпымъ туркамъ: вынимайте свои острѣя сабли и кладите ихъ остріемъ вверхъ; найдетъ Милошъ, его конь ступитъ на острія и посѣчетъ себѣ ноги. Турки это сдѣлали, и конь Милоша, найдавъ на сабли, упалъ. Турки схватили Милоша и долго съ нимъ бились, пока не сняли съ него панцырь, но, снявъ, не могли его растегнуть. Старуха опять говоритъ имъ: поищите съ правой стороны панцыря у него ключи. Говорить туркамъ Милошъ: скажите мнѣ, кто открылъ вамъ секретъ, какъ меня схватить. Турки указали на старуху. А Милошъ позвалъ ее къ себѣ: иди, я скажу тебѣ словечко. И какъ только къ нему приблизилась, онъ ударилъ ее и убилъ. И сказалъ тогда Милошъ: иди теперь, ни отъ тебя не останется колдуна, ип отъ меня юначества. И онъ отдался въ руки туркамъ, и отрубили они ему юнацкую голову.

Интересной чертой, наблюдаемой въ изсказахъ сборника Верковича, является упоминаніе сербскаго этнографическаго имени. Такъ въ № 6 юнакъ «Грую ловъ лови низъ сирбинску рамно полѣ», на сцену выступаетъ «сирбинска свадба», въ числѣ сватовъ называются: «петь стотини бугари, хиляда влахуи и триста души сирби», далѣе «сарбинъ или сирбинъ юнакъ, сирбинско дете, сирбянска невеста». Въ № 8 «Сарбинъ краль» созываетъ пиръ. Въ № 18 Янкулъ и его конь говорятъ между собою по сербски:

сирпско. Въ № 23 героями пѣсни являются «сирбски юнаци, сирбинско юначе» отправляется за невѣстой въ Мадьярскую землю и, похитивъ невѣсту, ёдетъ въ сербскую землю: «на сирбската земля». Въ № 27 видить сонъ «Сарбина дѣвойка». Въ № 68 царь Константинъ призывалъ къ себѣ на пиръ: дуръ от *Сарбіа Сарбинска* краля Марка. Милая дочь Янкула прославилась по всей землѣ Румелійской до самой Сербіи № 192, къ ней сватается «сарбинску делийче дуръ отъ *Сарбіа*». Въ № 193 слава о дочери одной неумной турчанки достигла дури на *Сарбіа*, сватается къ ней «сарбинско делийче», посыаетъ сватами «до два сарбински деліе», рядомъ съ «триста дубели булгари» въ свадебномъ поездѣ участвуютъ до «триста души *сарби* и до триста боинчици, сарбинско делийче викналъ една пясна сирпску пия». Эти интересныя упоминанія вполнѣ естественны въ македонскихъ народныхъ пѣсняхъ, столь тѣсно связанныхъ съ сербскими. Тоже мы встрѣчаемъ и въ сербскихъ пѣсняхъ напр. въ № 56 Вука Карадића Марко ищетъ себѣ невѣсту под дворомъ краља Шишманина у земли Бугарској, онъ ёдетъ право у земљу Бугарску; Дигоше се кићени сватови Путовати уз поље Бугарско; его невѣста Бугарка Ђевојка. Въ № 31 Мијајло краљ Бугарски иначе называется краљ Бугарин. Въ № 29 жепидба Душанова Вукашинъ одѣваетъ Милоша болгариномъ, сверхъ другой одежды надѣваетъ на него Бугар-кабаницу, И на главу Бугарску шубару: Начини се црни Бугарине.

Въ значеніи пароднаго имени встрѣчалось имя сербовъ и въ ранѣе издавныхъ пѣсняхъ напр. Платни ткаитъ Стоина сжрбинка Милад. № 251. Янка и момче Сжрбинче Шапкаревъ № 444 кн. 14, стр. 292—293. Весьма вѣроятно, что и «сибинска девойка, сибинский краль» въ № 479 должно исправить на Сжрбинска, — ски, ib. стр. 333. Въ пѣснѣ № IV (изъ сборника С. Ив. Б. 1884 София) кралевика Марко убива Сжрбинъ добжъ юнакъ и Вида Охридчанка. Въ ней интересно слѣдующее мѣсто: А краљ на Сжрбина говори: Ой ле зето сжрбаче юначе! Не мой ми сжрбе въ двори доводи, Ке сж сжрбаци фного кавгаджии, стр. 44—45.

Многія изъ этихъ пѣсенъ относятся къ циклу Кралевича Марка, въ другихъ героемъ является Янкуль. Всѣ почти эти пѣсни имѣютъ сюжетомъ сватовство.

№ 6. Пошелъ юнакъ Груе на охоту по сербскому ровному полю. Охотится онъ и видитъ: идетъ сверху сербская свадьба, ведутъ прекрасную, какъ ясное небо, певѣсту, съ очами, свѣтящимися, какъ мелкія звѣзды, съ шеей, какъ ясный мѣсяцъ; на одной ея полѣ было двѣнадцать звѣздъ. Ея видъ плѣнилъ очи Груе. Много было кумовъ и сватовъ, пять сотъ болгаръ, тысяча влаховъ. Не испугало это Груя, хочетъ онъ похитить невѣсту. Но было и триста душъ сербовъ, проклятыхъ, какъ лютая змѣя. Ихъ испугался Груе и бѣжалъ оттуда. Дома онъ разсказываетъ отцу о встрѣчѣ со свадьбой. Отецъ говоритъ на это: довольно тебѣ своей невѣсты, зачѣмъ тебѣ чужая? Опечалился Груе и написалъ письмо дядѣ Марку, чтобы онъ пришелъ съ двумя тысячами душъ, написалъ и сыну Марка, своему внуку, чтобы и онъ пришелъ съ тысячию душъ юнаковъ. И мѣсиль Груе двадцать печей чистаго хлѣба, закололъ пятьдесятъ яловыхъ коровъ, ждетъ дядю съ племянникомъ. Дождался, пришелъ Марко съ сыномъ, сѣли пить, а, выпивши, ужинать, єдять, и пьють, весело бесѣдуютъ, а юнакъ Груе стоитъ печальный, и не єсть, и не пьеть, и не разговариваетъ. Марко сталъ распрашивывать Груя, отчего онъ такъ печаленъ. Онъ разсказалъ свою встрѣчу со свадьбой. Выслушавъ это, Марко говоритъ всѣмъ юнакамъ: вставайте прощаться, пойдемъ на сербское поле. Отправились въ путь, и, какъ пришли, раскинули три шатра, сѣли три краля, а войско стоитъ. А сербская невѣста рано утромъ въ понедѣльникъ сидѣла въ свѣтлой верхней комнатѣ, а сербъ юнакъ легъ у ней въ колѣняхъ, чтобы она попскала у него въ русой головѣ. Когда она этимъ занималась, взглянула на поле и видѣть три раскинутыхъ шатра, подъ ними трехъ королей, и три тысячи войска. Какъ увидала невѣста, начала плакать, лить слезы. Сербъ спрашиваетъ ее, чѣмъ она недовольна, его домомъ, или имъ самимъ. Невѣста объясняетъ, въ чемъ дѣло.

Посмотрѣлъ и онъ, и видитъ три шатра, а возлѣ нихъ большое войско, поле почернѣло, словно усыяно муравьями. Говорить невѣстѣ: осѣдлай мнѣ неукротимаго коня, который летаетъ наравнѣ съ небомъ, выведи его мнѣ къ камню, съ котораго садятся на коня, а я припояшу острую саблю, сяду верхомъ, а ты мнѣ вынеси и крестчатое знамя. Уѣзжая, просить затворить тяжелыя ворота, запереть ихъ семью ключами. Наказываетъ за тѣмъ подняться на верхъ и смотрѣть, какъ пойдетъ бой. Если она увидитъ, что пало знамя, пусть отворить ворота. Пошелъ сербъ на сильное войско, какъ взмахнетъ острой саблей на лѣво и на право, перебилъ всѣ три тысячи душъ. Подошелъ онъ тогда къ тремъ шатрамъ, где сидѣли три короля. Вскочилъ Марко и говоритъ Сербу юнаку: мы пришли не биться съ тобой, а на сватъбу. Повѣрилъ сербъ юнакъ Марку и сожалѣтъ, что не зналъ этого раньше, онъ бы тогда не тронулъ юнаковъ, не заставилъ бы носить трауръ ихъ матерей. Зоветъ ихъ къ себѣ въ домъ. Они говорятъ, пусть онъ идетъ впереди, какъ хозяинъ. Пошелъ сербъ юнакъ, за пимъ Марко съ сыномъ, а за ними Груе. Груе обращается къ Марку, чтобы онъ убилъ серба острой саблей. Вынуль Марко дамасскую саблю и разсѣкъ серба юнака на двѣ части, но сербъ и не почувствовалъ, говоритъ: что то захотѣлось мнѣ ъсть, я ударю коня и поѣду впередъ, чтобы отворить ворота и вѣсъ принять; какъ хлеснуль коня, распался на двое, падаетъ съ коня и говоритъ Марку: если бы я это зналъ, закололъ бы я васъ троихъ, какъ барановъ. И пало тогда на землю его крестчатое знамя. Увидала это невѣста, побѣжала съ семью ключами отворить ворота и, когда вышла къ воротамъ, встрѣтила тамъ трехъ королей. Они ее взяли, посадили на коня и повезли къ Грю. Обернулся Марко и видитъ, какъ хороша молодая невѣста (изображается ея красота тѣми же стихами, какъ и въ началь пѣсни). И говоритъ ему: довольно съ тебѣ Груе старой невѣсты, молодая не для тебя. Вынулъ Марко острую саблю и зарубилъ невѣсту. Она была для серба юнака, который былъ такой же красавецъ, какъ и она.

№ 8. Сербинъ король созываетъ на пиръ семьдесятъ королей, забылъ позвать Марка съ его племянникомъ изъ Солуя. И говоритъ Марко своему племяннику Грую: осѣдлай дea быстрыхъ коня, поѣдемъ къ Сербию королю, онъ забылъ насъ позвать и спрашиваетъ пиръ во тымѣ и мракѣ, не забудь положить въ торбу свѣчу. Осѣдлали коней и поѣхали. На среди пути Груе вспомнилъ, что забылъ взять свѣчу. Говоритъ объ этомъ Марку. Марко находитъ, что дѣлать нечего, надо ѿхать. И они прїѣхали въ сербскій градъ, разогнали коней. Услыхали ихъ сербинъ краль и семдесятъ кралей, встали и смотрятъ: ёдутъ паша Марко и юнакъ Груе. Вышла кралица имъ отворить. Марко входить въ залу, всѣ его привѣтствуютъ, предлагають ему чаши. А Марко жалуется королю, что темно, ничего не видно. Тогда кралица встала и привела свою дочь, посадила ее въ залѣ, и она засвѣтила, какъ ясное солнце, освѣтила всю залу, всѣмъ стало видно другъ друга. Увидалъ ее Груе и тайкомъ на ухо говоритъ Марку: паша Марко, посватай мнѣ эту дѣвушку. Всѣ крали и сербинъ краль подносятъ чашу Марку, принимаетъ ее Марко и говоритъ королю: будь ты мнѣ сватомъ, я буду твоимъ. Краль отвѣчаетъ: если такъ суждено Богомъ, и если ты юнакъ изъ юнаковъ, то долженъ исполнить нашъ обычай. Среди чернаго моря есть дерево калина, на деревѣ этомъ три ягодки калинки, иди туда и принеси мнѣ ягодку калинку; тогда будешь моимъ сватомъ. Какъ услыхалъ это Груе, всталъ сѣдлать коня. Марко ему говоритъ: твой конь необѣзженый, осѣдлай лучше моего коня, онъ очень умный, подтяни его пятнадцатью подпругами. Груе осѣдалъ коня и поѣхалъ. Какъ ѿхали они къ черному морю, вышелъ драконъ, какъ старая баба, страшная чума, и говоритъ Грую: я дамъ тебѣ дѣвушку вдвое лучше, чѣмъ дочь короля, дамъ тебѣ и девять выюковъ приданаго, все шелку. А конь говоритъ Грую: не стой здѣсь, онъ тебя сѣсть. Ударилъ Груе коня и поѣхалъ къ дереву калинѣ сорвать ягоду, цѣлое дерево вырвалъ. Ёдетъ назадъ, а драконъ вышелъ среди моря, съ тремя дѣвушками, которыя свѣтятъ, какъ солнце. И говоритъ

Грую: иди, дамъ тебѣ, какую захочешь взять, и дамъ тебѣ тридцать выюковъ золота. Дался обману Груе, посмотрѣлъ на дѣвушку, а драконъ открылъ пасть и проглотилъ коня до сѣдла, Груя до колѣнъ. Говорить старый конь: ударъ коня шпорами до самыхъ легкихъ, чтобы запграло во мнѣ молодое сердце. Груе сдѣлалъ это, и конь попесся, какъ лѣтняя птица, и выѣхалъ на сушу вмѣстѣ съ дракономъ. Когда Груе такъ замедлилъ, затосковалъ паша Марко, спускается внизъ, слезы лѣтятъ, ломаетъ руки, опять подымается на верхъ и смотритъ въ сербское ровное поле. Видитъ: идетъ Груе съ чернаго моря, конь проглоченъ по сѣдло, Груе по колѣна, а дерево калину держитъ съ боку. Кричить тогда Марко: вынь, Груе, острую саблю и заруби дракона, отъ вида его женщина, которая не беременна, забеременѣеть, а забеременѣвшая выкинетъ. Груе вынулъ саблю и зарубилъ дракона посреди сербскаго поля, и тогда пришелъ во дворецъ короля сербина и говорить: вотъ тебѣ дерево калина со всѣми плодами, дай мнѣ твою прекрасную дочь. И началъ Груе садить калину на дворѣ, и говорить королевѣ: когда будешь думать о своихъ дочеряхъ, садись тутъ подъ тѣмною калишы. За него отдали дѣвушку сербскую и повели ее въ Солунь. Марко зналъ птичій языкъ, а когда ее вели, одна птица пѣла на пути: у этой невѣсты въ утробѣ змѣя, когда съ ней ляжетъ Груе, ее вынетъ. Когда были ови на полпути, сняли ее съ коня, и говорить паша Марко Грую: возьми невѣstu за лѣвую руку, а я ее возьму за правую. Вынулъ Марко острую саблю и говоритъ ему: эта певѣста на половину моя, держи ее, я разсѣкъ ее на двѣ части. Жаль было Грую, по онъ не могъ ничего сказать дядѣ. Замахнулся Марко саблей, и невѣста отъ страха икнула, а змѣя выпала наружу, и Марко разсѣкъ трехглавую змѣю и говоритъ племянницу: да будетъ твоя невѣstu, съ меня довольно моего юпачства.

№ 18. Девять братьевъ и восемь спохъ жалуются бану Янкулу, что не могутъ приступить къ двору и собирать столъ, потому что его побратимы на своихъ быстрыхъ коняхъ разбиваютъ дворъ, разстроиваютъ столы. Имъ надоѣло подавать вино. Услыхалъ

это Янкуль и пошелъ къ кампю, съ котораго садятся на коня; иди кошь, я тебя осѣдаю, и мы отсюда уѣдемъ, (повторяется жалоба братьевъ и снохъ). Сѣль Янкуль па быстраго коня п уѣхалъ въ зеленый лѣсъ, тамъ онъ сошелъ съ коня, пустилъ его пастись и началъ строить церковь во имя св. Воскресенія, строилъ ее три года, и не видалъ ни человѣка, ни птицы, нашелъ только соколенка и кукушечку, и не спалъ Янкуль три года, и только, построивъ церковь, задремалъ и легъ у ея вратъ уснуть и видѣлъ во снѣ, что его восемь братьевъ взялъ въ рабство Сербесь делія¹⁾, заключилъ ихъ въ темницу, надѣлъ па нихъ тяжкія оковы, па шеи тяжкія цѣши, а снохъ его взялъ, какъ молодыхъ рабынь, и заставилъ ихъ мыть па рѣкѣ, бѣлить черную шерсть, а его племянниковъ пасти гусей. Проснувшись, Янкуль позвалъ къ себѣ сокола и посыаетъ его къ себѣ въ домъ посмотретьъ, стоитъ ли въ зелени лавровое дерево, или высохло, и живы ли, или мертвы три змѣя въ гнѣздахъ па этомъ деревѣ, течетъ ли подъ деревомъ источникъ вина, или высохъ, запущенъ ли его дворъ и домъ и порабощены ли его люди. Улетѣлъ соколь въ домъ Янкула. И видитъ: увяло лавровое дерево, разболѣлись змѣи, высохъ источникъ вина, дворъ запущенъ, домъ разоренъ, одна только баба хозяиничаетъ внутри. И говорить ей соколенокъ: скажи миѣ, старушка, гдѣ хозяева этого дома, умерли они, илиихъ нѣтъ? Она ему говоритъ: птица ты или человѣкъ меня спрашивашь, мои очи ослѣпли, и я тебя не вижу, много слезъ я пролила, оплакивая девять сыновей и восемь снохъ съ впучатами, которыхъ увель Сербесь делія. Соколенокъ поднялся и улетѣлъ къ бану Янкулу. Янкуль кликнулъ своему коню: иди, я хочу посмотретьъ па тебя, три года, какъ я тебя не видалъ, не поилъ тебя и не кормилъ, потому что былъ разсерженъ па своихъ братьевъ, не снялъ узды съ твоей головы, не снялъ палаша съ твоей спины, не разстегнулъ твоихъ под-

1) Такъ въ оригиналѣ, быть можетъ и здесь не было ли первоначально *сербин*; мы оставили это слово безъ перевода, потому что оно стоять вмѣсто собственнаго имени.

пругъ. Теперь я сяду на тебя верхомъ, и мы поѣдемъ посмотрѣть, что за юнакъ взялъ въ рабство моихъ братьевъ и снохъ. Конь подошелъ къ бану Янкулу, онъ сѣлъ и поѣхалъ прямо въ село Сербесъ делія. На концѣ села у рѣки нашелъ своихъ снохъ, онѣ бѣлятъ шерсть. Янкуль имъ говорить: Богъ помочь. Онѣ ему отвѣчаютъ: дай тебѣ Богъ всего хорошаго, черный монахъ. Янкуль спрашиваетъ ихъ, дома ли Сербесъ делія. Онѣ отвѣчаютъ: не знаемъ, гдѣ онъ, не ищи его, чтобы тебѣ не погибнуть. Онъ спрашиваетъ, каково его юначество. Онѣ говорятъ: вотъ этотъ студеный камень поднимаетъ онъ до колѣнь. Янкуль нагибается съ коня, схватываетъ камень и бросаетъ его черезъ плечо, разбиваетъ его на три куска. Тогда онъ ушелъ назадъ и засталъ своихъ племянниковъ, пасутъ они гуссей. Ему стало ихъ жаль, онъ заплакалъ, а племянники его узали, подбѣжали къ нему, схватились кто за узду коня, кто за стремя и горько плакали. Янкуль вынулъ изъ за пазухи кошелекъ и даетъ кому деньги, кому денежку, высвободилъ коня и поѣхалъ къ воротамъ Сербесъ делія. Вызываешь его. Жена его въ это время вышивала на няльцахъ шелковую рубашку и говорить Янкулу: ступай отсюда, черный монахъ, ступай, откуда пришелъ, а то придетъ Сербесъ делія и тебя погубить. Янкуль разсердился, подтянулъ поводья, пришпорилъ коня, разогналъ его и поднялся въ верхъ туда, гдѣ вышивала жена сербесъ делія, ударила кулакомъ ей въ уста, и выпали у нея все зубы, разсыпались на рубашку, какъ жемчугъ. Онь говоритъ ей, что пойдетъ въ механу вышить винца; если вернется домой Сербесъ делія, пусть туда приходитъ скорѣе. Ушелъ туда, привязалъ къ воротамъ коня и говорить ему по сербски: когда ты увидишь, что еще издали идетъ Сербесъ делія, ты скажи ми по сербски. И сѣлъ Янкуль пить вино. Выпилъ семьдесятъ литръ подрядъ, идетъ Сербесъ делія. Конь извѣщасть Янкула и спрашиваетъ, пускать его внутрь, или сѣсть наружу. Янкуль отвѣчаетъ ему по сербски: не ѿшь его, а задержи немнogo: я пилъ семьдесятъ литръ вина и не смочилъ себѣ усовъ, не освѣжилъ себѣ горла, въ горлѣ у

меня словно сажа съ уксусомъ. Когда пришелъ Сербесь делія, конь его задержалъ. Янкуль выпилъ еще семьдесятъ литръ вина и тогда говоритъ копю по сербски: пусти его внутрь. Когда онъ вошелъ, поднялъ свою тяжелую палицу и началъ бить Янкула. А Янкуль кричить хозяину механы: что это мелкія блохи меня кусаютъ. И всталъ тогда Янкулъ, поднялъ свою небольшую палицу, разъ ударилъ и на четыре сажени вогналъ его въ землю. Вынулъ потомъ острую саблю и отсѣкъ ему русую голову, сѣль верхомъ на быстраго коня и побѣжалъ въ его домъ. Прямо пошелъ въ темницу, ударилъ въ нее ногами и не оставилъ камня на камнѣ, вывелъ изъ темницы братьевъ, освободилъ снохъ и племянниковъ, бывшихъ въ рабствѣ у Сербесь деліи, а жену его взялъ себѣ въ качествѣ молодой рабыни. Отвелъ ее къ себѣ въ домъ беззубую. И тогда позеленѣло лавровое дерево, выздоровѣли змѣи, протекъ источникъ вина, дворъ покрылся зеленої травой, повеселѣлъ его домъ, и мать его стала снова видѣть отъ радости.

№ 23. Сѣли тридцать сербскихъ юнаковъ, кто пить вино, кто ракію, всѣ веселятся и ведутъ промежъ себя разговоръ. На землѣ мадьярской пируютъ свадьбу, нѣть нигдѣ такой прекрасной невѣсты, какъ дѣвушка мадьярка. Кто пайдется и се похитить. Услыхалъ это удалой сербскій юнакъ, что сидѣлъ на краю и былъ очень печаленъ. Пробудилось его сердце, разыгралось, вскочилъ онъ на ноги, осѣдлалъ копя и говоритъ коню: довольно я тебя кормилъ, нынѣ я хочу видѣть твоё молодечество. Переѣхали бѣлый Дунай, вывези меня на мадьярскую землю. И сѣль верхомъ на коня и направилъ его къ бѣлому Дупаю. Конь перенесли Дунай, вывезъ его на мадьярскую землю. Тамъ играли свадьбу, было много веселья: молодыя женщины и дѣвушки пляшутъ хороводъ, мадьяры старики пьютъ вино, любуются зреющими, а мадьярскіе юнаки бросаютъ студеный камень. Подошелъ къnimъ удалой сербъ, взялъ камень и перебросилъ его за два холма и двѣ планины, побѣжали за камнемъ мадьяры; а сербъ вернулся, взялъ певѣсту, посадилъ къ себѣ на коня, вы-

шуль острую саблю и говорить старикамъ мадьярамъ: прощайте старцы, не вставайте съ мѣста, а то всѣхъ васъ перебью. Онъ ударилъ коня и переплылъ черезъ Дунай и вступилъ на сербскую землю. Тамъ нашелъ своихъ товарищъ. Онь увель къ себѣ въ домъ къ отцу съ матерью невѣсту. Когда мадьяры вернулись въ хороводъ, старики рассказали, что случилось. Помчались мадьяры въ погоню къ бѣлому Дунаю, но вернулись со срамомъ.

№ 68. Царь Константинъ прируетъ свадьбу сына и дочери. Созвалъ отовсюду гостей, призвалъ даже и сербскаго короля *Марка изъ Сербіи*, призвалъ и койняровъ и караманлійцевъ и мадьярскихъ юнаковъ. Ударили четыреста паръ барабановъ, заиграли на свирѣли четыреста музыкантовъ, раскинули шатры на зеленомъ лугу. Вышли юнаки бросать камень, метать трёмя ножами и бороться. Сѣли потомъ на коней и отправились за молодой невѣстой изъ великой Кесаріи, взяли невѣсту королевскую дочь, банину внуку. Ведутъ ее, не торопясь, когда приближались къ Стамбулу, припустили коней, выстрѣлили изъ ружей и убили главнаго военачальника царя Константина. Очень жалѣль его царь, говоря: прости Богъ юнака Георгія, былъ онъ у меня большой забіяка.

№ 192. Прославилась милая дочь Янкула по всей землѣ Румелійской до самой Сербіи. Пришли къ ней сваты съ четырехъ сторонъ Румеліи, послалъ сватовъ и женихъ изъ Сербіи. Янкуль никому не хотѣлъ отказать, обѣщалъ ее пятерымъ, съ пятерыми ее сговорилъ. Пришло время принести серги, припесли ихъ пятеро въ одинъ день. И всѣ уговорились на счетъ свадьбы, въ одинъ день назначили всѣ пятеро. Преломили хлѣбъ въ воскресенье, на другое воскресенье будетъ свадьба. Янкуль нарядилъ тогда еще четыре бѣдныхъ дѣвушки, вмѣстѣ съ его дочерью было пхъ пять одного роста, въ одинаковыхъ платьяхъ, покрыты одинаковыми вѣнчальными вуалями, пе отличить одну отъ другой, которая дочь Янкула. И онъ поставилъ высокій шестъ изъ тонкаго высокаго дерева, обмазанный гипсомъ тыквой. Женихи

ударили въ барабаны, заиграли па свирѣли музыканты и пошли въ путь изъ пяти сторонъ сваты и кумовья и пять жениховъ въ домъ Янкула. Янкуль всѣхъ ихъ встрѣтилъ и привѣтствовалъ. Женихъ сербъ разсердился на румелійскихъ жениховъ и на Янкула, обнажилъ саблю, готовъ начать ссору. Янкуль ему говорить: не годится начинать ссору на свадьбѣ, не берутъ невѣсту съ кровопролитьемъ, а вотъ, кто изъ жениховъ влѣзетъ на широкій шесть, того и будетъ молодая невѣста. Румелійскіе женихи не могли этого сдѣлать. Сербъ говорить тогда своему племяннику Столину: открой шитую золотомъ сумку, вынь изъ пея лынную рубашку. И спялъ съ себя опь шитыя золотомъ одежды, надѣлъ лынную рубашку, вынуль оку смолы, намазаль себѣ руки и ноги, поднялся па шесть и опустился внизъ и говоритъ Янкулу: выведи молодую невѣсту, я возьму ее и пойду домой. Янкуль вывелъ тогда на дворъ пять невѣстъ и говоритъ ему: узнай невѣсту и бери се. Сербъ женихъ вынуль тогда золотые и жемчугъ, бросилъ на землю и говоритъ имъ: стойте четыре невѣсты, а дочь Янкула пусть наклонится и соберетъ жемчугъ и золото. Если же какая нибудь изъ васъ меня обманетъ, всѣхъ васъ я разрублю на куски. Дочь Янкула стала собирать жемчугъ и золотые. Взялъ ее сербъ женихъ, а жепихамъ пѣ Румеліи достались оставшіяся четыре невѣсты. Такъ Янкуль выдалъ вмѣстѣ съ своей дочерью и четыре бѣдныхъ дѣвушки.

№ 193. Прославилась одна умная турчапка изъ бѣднаго дома, прославилась и ея милая дочь до самой Сербіи. Слава о ней дошла и въ городъ Китенъ. Прислалъ къ ней двухъ сватовъ женихъ сербъ, не дали ему дѣвушки. Сватается тогда богатый старикъ Алиль ага изъ Китена, отдали за него дѣвушку. Мать невѣсты предупреждаетъ Агу, чтобы онъ не бралъ на свадьбу турокъ, а взялъ бы триста болгаръ, триста сербовъ и триста босняковъ: болгары готовы сейчасъ начать бой, сербы не погибнутъ въ схваткахъ саблями, босняки вмѣсто подушки кладутъ въ головы ружья. Не могъ только выбрать Халиль-ага себѣ знаменосца. Какъ разъ пришелъ въ это время молодой сербъ

изъ Анатолія, гдѣ онъ бился цѣлые двѣнадцать лѣтъ, онъ очень понравился Халиль-агѣ, и позвалъ его Ага къ себѣ знаменосцемъ. Обратившись съ мольбой къ Богу, молодой сербъ раздумываетъ, что ему дѣлать, и по раздумыи согласился. Онъ пошелъ со знаменемъ впереди свадебнаго поѣзда. Умная турчанка вышла къ нимъ на встрѣчу, всѣмъ поцѣловала руку и поставила столы. Молодой сербъ сѣлъ на первое мѣсто, съ нимъ сѣли и другіе сваты, а Халиль-ага стоялъ передъ пимъ. Турчанка вынесла господскія яства, ёли, пили и пошли въ обратный путь, всѣ двинулись рядами, впереди всѣхъ идетъ молодой сербъ, за нимъ 900 сватовъ, позади всѣхъ молодая невѣста ёхала въ серебряной повозкѣ. Достигли они Китенскаго прохода и запѣль молодой сербъ сербскую пѣсню. Милостивый Боже, видано ли, слыхано ли, чтобы старый каракушъ взялъ себѣ лѣсную куропатку. Услыхала пѣсню невѣста и начала ему пѣть по сербски: молодой удалецъ сербъ, выпь изъ пожень острую саблю, перебей всѣхъ сватовъ, а я брошусь на твоего коня, и пойдемъ въ сербскую землю. А сербъ запѣль въ свою очередь: Боже, какъ я погублю столько душъ, послѣ того и жена мнѣ не повѣритъ. А невѣста запѣла: если не хочешь погубить столько бѣдныхъ людей, притворись больнымъ, останься позади повозки, я брошусь на твоего коня, и мы ускачемъ. Сербъ притворился больнымъ, повѣсила на сѣдло узду, проѣхали мимо триста болгаръ, триста сербовъ, триста босняковъ, и онъ остался позади повозки, невѣста бросилась на его коня, и они помчались. Увидали это сваты и говорятъ Халиль-агѣ: невѣста твоя бѣжала. А онъ имъ говорить: если убѣжала, то вернемтесь и возьмемъ ее мать, мнѣ старую невѣсту. Всѣ вернулись и взяли умную турчанку, отвели ее въ градъ Китенъ.

№ 27. Видѣла сонъ дѣвушка Сирбина, что отъ воротъ Янкула протекли мутные потоки. Когда утромъ рано проснулись, она подала Янкулу воды умыться; сѣли они вмѣстѣ оба пить ракію, и она рассказывастъ видѣнныи сонъ. Янкулъ велитъ позвать къ себѣ племянника Стояна. Когда тотъ пришелъ, спрашивается, за

чѣмъ его позвали. Япкуль, разсказываетъ ему сонъ. Стоянъ говорить на это: пока я живъ, не беспокойся. Сѣла вмѣстѣ всѣ троє. Пьютъ вино, а дѣвушка имъ прислуживаетъ. Ждутъ они не добрыхъ вѣстей. Ждали до обѣда, ждали до полдника и только во время вечерней молитвы пришло письмо отъ сербскаго короля, чтобы господинъ Япкуль, во чтобы то ни стало, пришелъ съ войскомъ на сербское поле биться битвой. Племянникъ утѣшаетъ дядю, собралъ войско, послѣ ужина тронулись въ путь на 300 коняхъ, до разсвѣта раскинули 500 шатровъ и привязали вблизи ихъ 300 копей. Когда разсвѣло, и сербскій король увидѣлъ шатры Япкула и ржавшихъ его коней, испугался, вернулся назадъ и послалъ къ Япкулу извѣстіе, чтобы онъ остановился и вернулся домой, бою не будеть.

№ 59. Виша гречанка вышиваетъ тонкую шелковую рубашку и поетъ пѣсню. Въ этой пѣснѣ она спрашивается, кто разсадитъ по Дунаю айву, по берегу моря виноградныя лозы, такъ разсадитъ, что онѣ примутся, зацвѣтутъ и завяжутъ плодъ, и онъ соберетъ плоды и принесетъ ей и возьметъ ее за себя. Услыхалъ это молодой сербъ, взялся за дѣло и все сдѣлалъ, какъ желала Виша. Явившись къ ней, просить ея руки. Виша отвѣчаетъ: да будуть твои мое стройное тѣло, моя блѣлая шея, мои черные очи, тонкія брови. И взялъ онъ Вишу гречанку.

Варианты къ этой пѣснѣ встрѣчаются и въ другихъ сборникахъ. На мѣстѣ молодого серба у Миладинова желтый еврей № 164, у Безсонова молодой латинянинъ момче Латинче № X, у Шапкарева въ одномъ варианте изъ Охрида Поповъ Никола, въ другомъ Гжрче Костурче. №№ 489—490. Женское имя однако во всѣхъ одно Виша гречанка.

Эпическія пѣсни новаго времени воспѣваютъ героевъ греческаго восстания, русскіе походы противъ турокъ, занятіе Наполеономъ Египта. Все это рѣдко встрѣчающіеся сюжеты. Въ настоящее время они вытѣсняются пѣснями, въ которыхъ прославляются новѣйшиe борцы противъ турокъ, вожди четь, комиты. Эти пѣсни останутся такимъ образомъ характерными

для характеристики пѣсенныхъ сюжетовъ первой половины прошлаго вѣка. Приводимъ ихъ полностю.

Въ № 77 воспѣта гибель Марка Бочара, въ № 78 морейцы съ братомъ его Георгіемъ мстятъ туркамъ.

№ 77. Въ Мисолонгѣ сидятъ три юнака, три капитана и ведутъ рѣчь о томъ, что идетъ противъ нихъ скадарскій паша съ двѣнадцатью тысячъ гега арнаутовъ, кто выйдетъ ему на встрѣчу? Говорить Марко Бочаръ: триста юнаковъ, надѣньте одѣжды гега арнаутовъ, приготовьте ружья, опояшьте острыя сабли. И пошелъ Марко впереди, а за нимъ его дружина. На пути онъ училъ юнаковъ. Говоритъ имъ: юпаки, моп братья, когда вы столкнетесь въ битвѣ съ турками, не падайте одинъ на другого. И они пошли на высокую планину. Сѣлъ тамъ Марко Бочаръ, оттуда смотрѣлъ въ подзорную трубу. Въ войскѣ было два шатра: одинъ былъ скадарскаго паши, другой кехаи бея. Не могъ узнать Марко, который былъ паша, который кехаи. Но разъ съ Божіей помощью вошелъ онъ въ средину войска и какъ бѣшеный прямо направился къ шатру кехаи бея, схватилъ его за горло, задушилъ его, и никто не могъ узнать, что это былъ Марко Бочаръ. Узналь его только черный арапъ, который былъ впереди его. Раздался выстрѣлъ изъ ружья чернаго арапа, пуля ранила Марка, разгорячился Марко, пустился бѣжать, отрѣзывалъ ткань юбки и затыкалъ ружейныя раны, чтобы не лилось много крови. Вышелъ онъ изъ албанскаго войска, смотритъ, нѣть ни одного юнака изъ его трехъ сотъ дружини. Занялъ тогда на свирѣли, и триста юнаковъ пришли къ нему. Марко Бочаръ испустилъ духъ, юпаки подняли его и на себѣ несли до самой Мореи. Услыхали объ этомъ морейцы и вышли всѣ мужчины и женщины съ малыми дѣтьми и оплакивали Марка Бочара. Облеклись въ ризы двѣнадцать поповъ и похоронили Марка Бочара.

№ 78. Въ день св. Георгія сѣли морейцы обѣдать, всѣ обѣдаютъ, всѣ їдятъ, только капитанъ Георгій не їестъ и не пьетъ, думаетъ о своемъ братѣ. Морейцы ему говорять: капитанъ

Георгій, не думай о насть, насть мать родила для пыпѣшняго времени. Георгій имъ говоритьъ: я ни о чёмъ не думаю, ни о братѣ своемъ Маркѣ Бочарѣ. Меня беспокоитъ, что не осталось юнаковъ. Я молю владыкъ и капитановъ, чтобы помогли мнѣ еще юнаки. Я пойду противъ скадарскаго паши, чтобы еще разъ видѣть этого чернаго пса, что убилъ брата моего Марка. Владыка и другіе капитаны дали ему много юнаковъ, собралъ ихъ Георгій 500, одинъ какъ другой, всѣ на подборъ, и пошелъ противъ скадарскаго паши, перепялъ ему пути, осадилъ его. Услышала объ этомъ мать паши, навьючила триста муловъ золотомъ и пошла къ Георгію. Умоляетъ его взять деньги, пустить ея сына: мой сынъ не такой завистливый, такихъ, какъ вы, юнаковъ не беретъ сабля. При немъ только одинъ юнакъ, черный песъ, это черный арапъ, который убилъ Марка Бочара. Георгій говоритъ матери паши: я возьму золото, отпушу твоего сына, выдай только мнѣ въ руки этого чернаго пса, чернаго арапа. Мать паши послала за пимъ, его схватили, и она выдала его Георгію. Георгій выпустилъ пашу и говоритъ ему: скадарскій паша я понялъ, что ты за человѣкъ, ты защищаешь такихъ юнаковъ, но больше не обманывайся, не приходи съ войскомъ въ Морею, потому что не вернуться тебѣ тогда живымъ. А теперь иди по добру по здорову. И взялъ Георгій чернаго арапа, мучилъ его тяжкими муками и отсѣкъ ему черную голову.

Бонапартъ, овладѣвшій Египтомъ, оставляетъ Египетъ туркамъ при помощи русскихъ.

№ 81. Здай царь, знай державный, что взяли Египетъ черные франки, вошли въ него, завладѣли дворцомъ, захватили два монетныхъ двора, принесли много руды и отчеканили много золотыхъ; не даютъ намъ творить омовенье у холодныхъ глубокихъ колодцевъ, не даютъ пѣть съ высокихъ минаретовъ. Царь имъ далъ три года владѣть Египтомъ, они владѣютъ семь лѣтъ и не выходятъ изъ Египта. Царь послалъ строгій фирмантъ,

чтобы франки во чтобы то ни стало оставили Египетъ. А они говорять: царь султанъ Махмутъ, съ саблей мы вошли въ Египетъ, съ саблей изъ него и выйдемъ. Царь испугался, не могъ вступать съ ними въ ссору. И обратился съ просьбой къ Московскому, чтобы освободилъ ихъ отъ франковъ. Московъ послалъ Франкамъ сердитые фирманы, отправилъ ихъ Бонапарту. Требуетъ отъ него, чтобы онъ вышелъ изъ Египта, иначе грозить послать свое войско. Испугался тогда Бонапартъ и бѣжалъ изъ Египта.

Пѣсни о взятіи Варны русскими есть въ сборникѣ Безсонова, но онѣ значительно отличаются отъ пѣсни подъ № 83.

№ 83. Въ нынѣшнемъ году, какъ насталъ мѣсяцъ май, Московскъ двинулъ войска противъ царя Махмута. Развѣваются знамена съ золотыми крестами, какъ львы стоять въ рядахъ юнаки. Московскъ взялъ въ руку золотой крестъ, все юнаки помолились Богу и перекрестились и двинулись какъ львы. А турки все были кровопійцы, и Московскъ съ своими юнаками хвалился и радовался и призывалъ ихъ: впередъ юнаки, Богъ памъ на помощь. Какъ идемъ на битву, такъ и вернемся, да поможетъ намъ Богъ одолѣть турокъ и вернуться героями. И двинулось къ Варнѣ сильное войско, насталъ тамъ бой съ турками. Пушки ъедутъ, какъ бочки, ядра падаютъ градомъ, разрушена мостовая въ Варнѣ, побито много турокъ: 1800 однихъ бимбashi, тысяча нашей. Держали турки совѣтъ съ султаномъ, потому что Московскъ достигъ до самаго Адріанополя. Съ побѣдой пришелъ Московскъ, съ побѣдой и вернулся.

Послѣдующія пѣсни съ эпическимъ характеромъ относятся къ сюжетамъ позднейшей гайдуцкой эпохи. Онѣ обычно пріурочены къ семейнымъ отношеніямъ.

№ 13. Мать очень брашила Стояна: не носи Стоянъ турецкое платье, алое сукно и красную мантію на плечахъ, пару пистолетъ за поясомъ, острую саблю сбоку, не ходи по кварталамъ и механамъ, не трогай турецкую дѣвшку, турки ревнивы, чтобы не пошли жаловаться на тебя царю Стефану. Стоянъ не послушалъ

матери. И турки пошли на него жаловаться. Разгневался царь, что въ его земль творится такое насилие. Написалъ онъ Стояну строгій фирмансъ, чтобы скорѣе пришелъ въ Царьградъ. Испугался Стоянъ, пошелъ къ матери просить помочь, какъ ему быть. Мать говорить: не слушай, когда мать тебя браница, а теперь дѣлай, какъ знаешь. Стоянъ отправился въ Царьградъ. Приноситъ царю повинную и говоритъ: если тебѣ угодно, отсѣки миѣ голову, но только, когда выпадутъ у меня изъ за пояса пистолеты, когда свалится съ плечъ моя сабля. Стефанъ испугался, не знаетъ, что съ нимъ дѣлать. Написалъ строгій фирмансъ и послалъ его въ Босну, откуда девять лѣтъ не получалъ податей, гдѣ дороги заняты разбойниками. Стоянъ отправился въ Босну, собралъ подати все золотыми и возвращается съ выюками въ Царьградъ. Когда шелъ онъ среди зеленаго лѣса, напалъ на него крѣпкій сопѣ, и началъ Стоянъ пѣть громкую длинную пѣсню. Услыхали его сорокъ разбойниковъ, вышли изъ зеленаго лѣса на дорогу, кто веревки рѣжеть, кто деньги уносить. Стоянъ умоляетъ ихъ: братья христіане, не отрѣзайте веревки, не уносите деньги, не вводите Стояна въ бѣду. Они не послушали Стояна. Стоянъ разгневался и острой саблей перебилъ 33 разбойника, оставилъ въ живыхъ только семерыхъ, чтобы помогли ему снова нагрузить выюки съ деньгами. И заставилъ ихъ вести коня къ царю, а поверхъ казны бросилъ и тридцать три головы. Привель ихъ къ царю и говоритъ: вотъ тебѣ, царь, подати за девять лѣтъ изъ Босны, сорокъ выюковъ золота и тридцать три головы разбойниковъ, да семь дупъ живыхъ, дѣлай съ ними, что хочешь. Царь обрадовался, увидавъ Стояна, послалъ его на родилу къ матери и далъ ему свободу поступать по прежнему.

Юнакъ находитъ себѣ невѣсту въ Будимѣ.

№ 22. Турунджюла никогда не могъ найти себѣ по сердцу ни дѣвушки, ни молодой вдовы, пока не пришелъ въ Будимъ градъ къ новому фонтану. Тамъ три дѣвушки брали воду. Одна была

не особенно хороша, другая была средняя, третья была самая красивая: когда стояла, свѣтила, какъ солнце, а очи ея были, какъ мелкія звѣзды, груди, какъ ясный мѣсяцъ. Турунджюла Ѵдетъ напоить коня, конь не пилъ воды, а стоялъ и смотрѣль на нихъ и говорить своему господину, чтобы онъ взялъ прекрасную дѣвушку и увезъ се домой. Турунджюла сдѣлалъ такъ, пришпорилъ коня, конь разгорячился, взлетѣль въ поднебесье и привезъ ихъ домой. Будимскіе юнаки прибѣжали къ фонтану, но тамъ уже никого не было. А дома мать позвала свата и семь поповъ, они обвенчали Турунджюла. По имени героя и началу эта пѣсня сходна съ № 345, Шапкарева Отд. III, кн. III, стр. 92—94: Турунджия си граби невѣста.

Выборъ неапѣсты и испытаніе дружинны.

№ 174. 70 воеводъ пьютъ вино и водку, имъ прислуживаетъ Марія. Подаетъ имъ чаши, они хватаютъ ее за руку. Говорить имъ Марія: не могу я быть всѣмъ вамъ женою, а только одного того, который переплынетъ синее озеро. Устыдились юнаки, посмотрѣли въ землю. Подобралъ одежду Иванъ добрый юнакъ и поплылъ, сорвалъ айву и апельсинъ и, плывя обратно, со средины озера крикнулъ товарищамъ: рыба меня проглотила до колѣпа, скорѣе спасайте меня. Всѣ воеводы смотрѣть въ землю. Подобрала Марія шелковую рубашку и бросилась въ озеро спасать Ивана. А онъ ей говорить: Марія, моя милая, не входи въ синее озеро; не такой я юнакъ, чтобы меня схватила рыба, я только испытывалъ мою дружину, чтобы видѣть, войдетъ ли кто въ озеро спасти меня. Вышелъ Иванъ изъ синяго озера, взялъ себѣ Марію и вѣнчался съ нею.

Покинутая юнакомъ жена выходитъ за мужъ за другого. Извѣщенный обѣ этомъ матерью онъ является и предупреждается свадьбу.

№ 56. Тодоръ юнакъ пьетъ вино на планинѣ Вятрепъ съ своими побратимами и девятью янычарами. Въ то время какъ

они ёли, пили, вели бесѣду, пришло письмо отъ старой матери Тодора, чтобы скорѣе приходилъ домой, потому-что его жена выходитъ замужъ за другого. Какъ прочелъ Тодоръ письмо, забылъ кусокъ въ устахъ, чаша осталась въ его руки, и говорить онъ побратимамъ: братья мои названые и девять янычаръ, вставайте, сѣдлайте моего быстраго коня. Я ђду домой.—Пріѣхавъ въ свое село, Тодоръ застаетъ свадьбу, бьютъ барабаны, музыканты играютъ на свирѣли, сваты и кумовья пляшутъ въ хороводѣ и певѣста съ ними. Тодоръ просить сватовъ, чтобы вывели къ нему невѣсту, пусть она поцѣлууетъ его руку, а онъ подаритъ ей дорогой подарокъ. Онъ чужестранецъ и торопится идти въ путь. Сваты поддались на сго слова, вывели невѣсту. Онъ подарилъ ей серебряный перстень. Какъ только увидала его певѣста, тотчасъ же узнала, сняла съ себя вѣнчальное платье, сбросила съ головы красную вуаль и говорить сватамъ и кумовьямъ: уходите, откуда пришли, пришель ко мнѣ мужъ мой Тодоръ.

Не завидна доля жены гайдука, которая жалуется за то на свою мать.

№ 33. Елена сѣла въ саду у бѣлой виноградной лозы, вышиваетъ тонкую шелковую рубашку, проклинаетъ мать за то, что отдала ее за разбойника. Весь день ходить по mechanамъ, пить вино и ракю; а вечеромъ придетъ и заставляетъ чесать коня, поить, кормить, сѣдлать коня. Когда стемнѣеть и зайдетъ солице, садится на коня и ђдетъ на пути и дороги. На зарѣ приходить съ тремя мулами, павьюченными казной, а поверхъ казны окровавленная рубашка, въ рубашкѣ праваа рука и на пальца серебряпый перстень, точь въ точь, какъ у моего брата Николы.

Большой юнакъ передъ смертью хочетъ видѣть свою веселящуюся невѣсту.

№ 94. Кирана пляшетъ въ хороводѣ па плачинѣ Вятрепъ. Она одѣта какъ невѣста; а бѣдный Стоянъ лежитъ больной, близокъ къ смерти. Навѣстившіе его товарищи разсказываютъ ему

про Кирану. Вздохнулъ Стоянъ и взмолился Богу. Дай мнѣ, Боже, силъ и здоровья пойти па планину Вятренъ, гдѣ Кирана пляшетъ въ хороводѣ. Богъ далъ ему силу, онъ вошелъ на планину. Вторично помолился Богу: подуй, Боже, тихимъ вѣтеркомъ, сдунь платокъ Кираны. Посмотрю я на ея бѣлое лицо, черные очи и тогда испущу духъ. Не успѣлъ Стоянъ договорить, какъ подулъ вѣтеръ, распахнулъ платокъ Кираны. Стоянъ увидалъ ея бѣлое лицо и черные очи и умеръ.

Гайдукъ знаменосецъ погибаетъ отъ пули арнаутовъ изъ Дебры.

№ 110. Дона прекрасная дѣвушка, слышала ли ты, знаешь ли ты, что меня записали знаменосцемъ, буду идти впереди войска, съ зеленымъ знаменемъ въ рукахъ, пойдемъ къ Черному морю. Жди меня 7 — 8 лѣтъ; если не приду, выйди замужъ за такого же, какъ и я, юнака, который поситъ мое платье, сѣдлаетъ моего коня, заряжаетъ мое ружье, опоясываетъ мою саблю. Только вышелъ, и его убили арнауты изъ Дебры.

Жена Минтана выдаетъ гайдукамъ своего мужа:

№ 61. Лаютъ собаки, сестра Елена, выйди, посмотри, на кого лаютъ. Когда вышла Елена, (видитъ), собаки лаютъ на злыхъ разбойниковъ съ зеленымъ знаменемъ. Пошла домой сестра Елена и спрятала брата Минтана въ серебряную клѣть, подъ серебряный сундукъ. Вошли злые разбойники, лютые вороги, стали искать ея брата. (Спрашиваютъ сестру): Елена, гдѣ твой братъ? Елена отвѣчаетъ: пошелъ въ село побесѣдоватъ, въ чей домъ, пе знаю, какъ вамъ сказать. Схватили Елену разбойники, мучать ее руками, рѣжутъ ножами, она пе выдастъ брата. Отрубили ей обѣ ноги до колѣнъ, пе говорить Елена, отсыкли ей обѣ груди, выкололи глаза, отрубили руки по плечи, пе выдала Елена брата. Приялись тогда разбойники за жену Минтана. И только се схватили, она имъ сказала, гдѣ спрятанъ мужъ. Нашли разбойники Минтана, хорошенько ему связали назадъ бѣлыя руки и повели его въ зеленый лѣсъ. Оплакивала Елена брата, прокли-

нала его жену. Говорить брату: прощай братъ, у меня нѣть очей на тебя посмотретьъ, нѣть рукъ тебя обнять, нѣть ногъ къ тебѣ подойти. Отвели злые разбойники ея брата въ зеленый ябъсь, посадили его на коль.

Похвалиба конемъ.

№ 15. Радичъ юнакъ похваляется своимъ быстрымъ конемъ, что въ одинъ день объѣдетъ вокругъ земли и вернется до захода солнца. Халиль-ага изъ Дойрана обѣщаетъ ему, если это сдѣлаетъ, отдать сестру свою кадушу Фатиму. Радичъ въ свою очередь отдастъ ему свою молодую жену съ сыномъ па рукахъ, если не исполнить своихъ словъ. Вернувшись домой, Радичъ велитъ женѣ пакормить и напоить коня. Жена исполнила приказаше. Радичъ сѣлъ на коня и уѣхалъ. Когда прїѣхалъ къ зеленымъ лугамъ, напалъ на него крѣпкій сонъ, онъ легъ отдохнуть и уснулъ. Проснулся, солнце близко къ заходу. Проснувшись, Радичъ, упрекаетъ коня, отчего онъ не разбудилъ его. Обѣдемъ землю кругомъ въ одинъ день. Они поѣхали и вернулись. Радичъ получилъ Фатиму и отвелъ ее домой, какъ молодую рабу. Какъ варіантъ этой пѣсни, близкій по имени героя, можно указать № 171 Миладинова: Радичъ юпакъ и Арапинъ Амза бегъ.

№ 92. Это известный варіантъ пѣсни о дѣвушкѣ войнѣ. Отецъ Тодоры читаетъ письмо и льетъ слезы. На вопросъ дочери, о чемъ онъ плачетъ, отецъ разсказываетъ, что вчера на базарѣ въ Дойранѣ глашатаи призывали идти на войну всѣхъ турокъ и христіанъ. Но у старика нѣть сына. Дочь вызывается идти сама вмѣсть съ двоюродными братьями, просить только купить ей коня, ружье и пару пистолетовъ, острую саблю и турецкое платье. Отецъ согласился, и Тодора отправилась на войну. Въ войскѣ она ходила впереди, посыла синее и зеленое знамя. Спустя три года она возвращается домой. На тогъ же мотивъ еще одна пѣсня подъ № 131. Дочь замѣчаетъ печаль отца и на распросы, отчего онъ печаленъ, узнаетъ, что отцу надо идти въ сильное войско.

Дочь просить купить ей солдатское платье и оружие и вызывается идти вместо отца. Одѣлась она, вооружилась, сѣла верхомъ на отцовскаго коня и отправилась. Какъ завидѣли ее солдаты, говорятъ царю: это не юнакъ, а дѣвица. Царь отправляется въ домъ дѣвушки и распрашиваетъ мать. Мать говорить, что, если это ея дочь, она купить золотое яблоко и спрячетъ его за пазуху. Когда прекратилась война, Хайдула такъ и сдѣлала. И пошла назадъ въ отцовскій домъ; пришла къ воротамъ и говорить: я ушла, какъ Тодоръ юнакъ, вернулась дѣвицей Хайдулой. Не успѣла сѣсть, пришли отъ царя сваты, просять Хайдулу за царскаго сына. Родители дали согласіе. Настало время свадьбы. Царь пришелъ за невѣстой, за нимъ сваты и кумовья. Пришли въ приметеный домъ Хайдулы, а она спрашивается, а гдѣ же царь женихъ. Отвѣ чаютъ, что его оставили дома встрѣчать и провожать гостей. Хайдула на это говоритъ, что она не пойдетъ съ ними, пока не придетъ царскій сынъ, предлагаетъ имъ идти назадъ. А отцу своему говоритъ: вотъ отецъ еще у тебя забота.

Часто уходивши изъ дому гайдуки погибали, преслѣдуемые туркамъ. Умирая, они обычно поручаютъ товарищамъ дать знать о своей смерти своимъ матерямъ.

№ 30. Пошелъ Петръ юнакъ на дальпій рыпокъ въ чужую сторону въ Самоковъ. Шелъ онъ шелъ, съ пути не сворачивалъ, прошелъ черезъ зеленый лѣсъ, достигъ широкого поля, среди поля стояло высокое дерево, подъ деревомъ холодный колодецъ. Сошелъ Петръ съ коня, выпуслъ изъ дисагъ позолоченый сосудъ напиться холодной воды. Напился и сѣлъ подъ тѣнь, выпуслъ изъ за пазухи частый гребень расчесать русые волосы и говорилъ имъ: Эхъ вы проклятые, задержите меня на пути въ Петрич и Самоковъ. Не окончилъ еще словъ, какъ подошли страшные сеймены, схватили Петра и отрубили ему русую голову, взяли ее сеймены и отнесли въ Софию воеводѣ. Пришли старые и малые посмотреть на голову Петра. Пришла и одна старуха и говорила: думала ли мать, что тебя постигнетъ такая судьба. А сеймены ей говорили: браво бабушка, воспитай и другихъ сыновей, какъ

Петра: девять плачинъ мы прошли, тридцать душъ нась пало,
пока мы схватили твоего сына.

№ 91. Собрались въ путь па ярмарку девяять человѣкъ друзіи и отправились къ Блюкъ-чешмѣ. Одному изъ дружины захотѣлось пить. Онъ пошелъ къ чешмѣ и только наклонился, какъ раздались выстрѣлы изъ пары пистолетовъ. Еще онъ быль живъ и умолялъ товарищѣй, вернувшись въ село, передать его матери печальную вѣсть о его смерти. Пусть сберетъ она четырехъ юнаковъ, стройныхъ и черноокихъ, какъ онъ, пусть имъ дасть алые платки, чтобы пошли они къ Блюкъ-чешмѣ и собрали въ платки его кровь, пусть выберетъ четырехъ дѣвушекъ, стройныхъ и черноокихъ, какъ его млада, пусть метутъ его дворъ, его домъ и поютъ пѣсни о томъ, какъ шли девять молодцевъ (слѣдуетъ повтореніе). Вернувшіеся товарищи сказали матери, что поручалъ сынъ; какъ услыхала это мать, сейчасъ же умерла.

По началу заслуживаетъ вниманія пѣсня № 113, конецъ которой обычень въ гайдуцкихъ пѣсняхъ:

Сынъ жалуется на проклятіе матери. Мать посыпала его на чужую дальнюю сторону, куда улетаютъ ласточки и ему грозила, что долго онъ останется на чужбинѣ. Сбылись ея слова. Сынъ ушелъ на чужбину, и мать, выходя па дорогу, когда проходили погонщики, спрашивала, не знаютъ ли они про ея торговца Яне. Они ей отвѣчали. Видѣли мы твоего сына въ далекой Московії, ему постелей быль мраморъ, покрываломъ песокъ. Его ёли черные птицы; одна золотая итічка не разъ возвращалась и говорила другимъ птицамъ: щите вы птицы его открытыя плечи и груди и его мраморное тѣло, а мы оставьте правое око и правую руку и правую ногу. Я возьму ихъ въ свой клювъ и отнесу матери, пусть мать положитъ ихъ въ серебряный сундукъ и, когда отворить сундукъ, пусть смотритъ и плачетъ.

№ 107. Гдѣ слыхано, гдѣ видано, чтобы дѣвушка всла караванъ? А прекрасная Димана вела караванъ въ Софію изъ 12 муловъ съ 13 муленками. На обратномъ пути на Софійскихъ лугахъ Димана разъвязчила муловъ, пустила ихъ пастьись, она заболѣла

лихорадкой. Она говоритъ товарищамъ: отправляйтесь въ село, подойдя къ нему, дайте выстрѣль, выйдетъ народъ посмотрѣть на васъ, выйдетъ и моя мать. Будетъ она про меня спрашивать, пе говорите ей правды, а скажите ей: мы выдали Диману замужъ за юнака съ того свѣта (т. е. похоронили).

Отношеній къ туркамъ касается цѣлый рядъ пѣсень. Братъ защищасть сестру, преслѣдуемую туркомъ.

№ 90. Разболѣлся бѣднякъ Колю. Лежить больнымъ девять лѣтъ. Некому его павѣстить. Одинъ день поднялъ онъ очи и видитъ, его сестра бѣлая Петра увяла, почернѣла. Братъ спрашиваетъ сестру, отчего это съ ней. Или я тебѣ надоѣль, или пѣть у тебя миаго? Оказывается, сестру преслѣдуетъ делл Феризъ, собирается се увести; каждую ночь поджидаетъ у воротъ, не даетъ пойти за водой. Братъ утѣшасть сестру; пока онъ живъ, ей печего болться. Посылаеть ее къ купцу еврею купить кусокъ полотна. Когда она принесла полотно, обязываетъ свое тѣло, беретъ острую саблю, девять лѣтъ не выпимавшуюся изъ ноженъ, и выходитъ къ воротамъ. Откуда ни возьмись приходитъ Феризъ. Они поссорились, и Колю отсѣкъ турку голову. Вернувшись, ложится на постель и говорить сестрѣ: бѣлая Петра, я умираю, оставляю тебя сиротой безъ отца, матери и брата.

Турокъ пе хочетъ оказать помоши женѣ больного Стояша, пе оскорбляя ее, мужъ послѣ того посыласть жену за отправой, и оба въ одинъ день, отравившись, умираютъ.

№ 119. Три года съ половиной лежить больнымъ Стоянъ. Его семья пропадаетъ съ голоду, его жена, выходя изъ дома, ломаетъ рукп, входя въ избу, проливаетъ слезы. Стоянъ посыласть жену къ побратиму Алію попросить у него мѣру жита, кило проса, накормить малыхъ дѣтей. Алій соглашается, если она дастъ ему поцѣловать бѣлое лицо, черныя очи. Съ пошкішай головой вся въ слезахъ возвращается жена Стояна домой и разсказываетъ мужу. Мужъ тогда посылаеть ее на рынокъ купить отравы. Жена купила и отравилась, за нею и Стоянъ. Мужъ съ женой умерли въ одинъ день, ихъ зарыли въ двѣ могилки.

Мать предостерегает дочь отъ любезностей турка. Любовь дочери къ турку срамъ для матери.

№ 125. Мать обращается къ дочери и просить ее спрятаться отъ турка, чтобы не увидаль ее. Дочь па это спрашиваетъ, а что же турокъ съ ней сдѣлаетъ. Мать перечисляетъ, что онъ можетъ просить, а дочь ей отвѣчаетъ: турку ужинъ — мое бѣлое лицо, обѣдъ — мои черныя очи, постеля — мое тонкое тѣло, подушка — мое бѣлое горло, одѣяло — мое бѣлое платье. Мать ей на это: Покарай тебя Богъ, полюбивъ турка, ты меня осрамила.

Похищаемая туркомъ дѣвушка спасается отъ безчестія укушениемъ змѣи.

№ 167. Бейна, прекрасная дѣвушка идетъ съ новой стомной въ рукѣ за водой, на головѣ у нея бѣлая роза. Встрѣтилъ ее Халиль-ага злой разбойникъ съ девятью другими товарищами. У нихъ черные торбы. На нихъ бѣлые юбки, у всѣхъ скадарскія сабли, шелковые пояса, въ серебро оправленные пистолеты, на плечахъ тонкія ружья. И Халиль-ага похитилъ Бейну и повель къ себѣ въ домъ. Когда они шли дорогой, Бейна попросила воды. Онъ ей говоритъ: прекрасная дѣвушка, вотъ колодецъ съ водой, чѣмъ только ея зачерпнуть? Пошла Бейна къ колодцу, наклонилась налить воды, и ея ужалила лютая змѣя. Бейна отдала Богу душу и спаслась отъ турка.

Въ сборникѣ, насчитывающимъ двѣсти пѣсень, сравнительно не велико число пѣсень миѳологического и легендарного содержанія. Возможно, что это зависѣло отъ того, что тетрадь съ такими пѣснями попала въ редакцію болгарского сборника. См. примѣчанія редакціи къ помѣщеннымъ въ X томѣ пѣснямъ, стр. 9 послѣдняго отдѣла.

Мать бранила солнце, что не пришло къ ней рапо. А солнце говорить матери, что замедлило на пути, потому что видѣло чудо. Евреи играли свадьбу и закололи девять маленькихъ дѣтей, заставили плакать девять матерей. Но и этого было мало. Они вели одного юнака съ девятью сестрами, а десятая была ихъ мать. Голая и босая съ непокрытой головой онъ умоляли евреевъ

отпустить брата, единственного сына у матери, который въ будущее воскресенье долженъ быль вѣнчаться. Не послушали ихъ евреи, взяли и его убили. И заросла кровавая роса, и потекли кровавыя рѣки, взошло кровавое солнце.

Начало пѣсни № 129 напоминаетъ сказку Дивљан, помѣщенную въ сборнике Вука Караджича.

№ 129. Три тысячи юнаковъ Босняковъ собрались идти въ сильное войско. Не знаютъ, идти сухимъ путемъ, или моремъ. Вошли на корабль иѣздили по морю три года. Не могли найти мѣста, гдѣ бы высадиться. Поднялась сильная буря, разбила корабль, всѣ утонули, спаслись только два юнака на одной доскѣ. Они вышли на берегъ, ходили цѣлую неделю, не находили ни жилья, ни людей; только разъ въ полѣ нашли одноглазаго чобана. Онъ принялъ ихъ въ гости, взялъ одного и испекъ его на ужинъ, другой оплакивалъ товарища. И вотъ, когда чобанъ легъ спать, онъ взялъ вертель, раскалилъ его до красна и выкололъ глазъ чобану. Послѣ этого всталъ и бѣжалъ; бѣжа по широкому полю, нашелъ домъ, въ которомъ была старая баба. Обмѣниваются привѣтствіями, но баба просить его спрятаться за дверями. У неї есть злая дочь, если придется и увидитъ, не оставитъ его въ живыхъ. Опять спрятался. Когда пришла дочь бабы, вышелъ и спрашиваетъ ее, не видала ли она его дѣтей. Она ему говоритъ: я, братецъ, солнце, твой старшій сынъ умеръ, рано утромъ я отнесу тебя домой; и, когда пришелъ домой, видить, жена оплакиваетъ сына, одѣтаго въ саванъ.

Легендарный характеръ имѣютъ пѣсни, сюжетомъ которыхъ является борьба съ дракономъ, требующимъ себѣ человѣческихъ жертвъ № 86, или засирающимъ источники съ водой № 12.

№ 86. Одно дитя родилось вечеромъ, когда приходяты коровы, начало ходить, прежде чѣмъ пропѣли пѣтухи, заговорило до разсвѣта и къ обѣду начало писать. Мать ему говоритъ: ты не обычное дитя, какъ другія дѣти, ты настоящая юда самовила. Дитя не соглашается съ словами матери, считаетъ себя такимъ же, какъ и другія дѣти. Объявляетъ матери, что пойдетъ въ

Солунь. Три года съ половиной, какъ тамъ появился страшный драконъ, не оставляетъ живыми солунскихъ девушекъ, каждый день съѣдаетъ по одной, и девять каравановъ съ погонщиками имъ проглоchenы, девять свадебныхъ поѣздовъ со всѣми поѣзжаками также. Дитя хочетъ убить дракона и спасти солунскихъ гражданъ. Мать удивляется рѣшенію сына: не знаешь еще, что опоясать, а гдѣ тебѣ убить страшнаго дракона. Сынъ просить отцовскую тяжелую палицу и острую саблю. Мать ему дала, опъ пошелъ въ коюшню, осѣдалъ отцовскаго быстраго коня и поѣхалъ. Проѣхалъ полпути и разумалъ, не вернуться ли. Въ это время вышла утренняя звѣзда и говоритъ ему: дитя, вчера вечеромъ рожденное, пе возвращайся съ полпути, не бойся, пока мы впереди; мы св. Богородица и св. Недѣля. Дитя послѣ того шло безъ страха, и по деревьямъ и по камнямъ наклеивая листки бѣлой бумаги, чтобы не сбиться съ дороги. И пришло въ Солунь. Вышелъ страшный драконъ, онъ ревѣлъ и щѣль землю. Дитя ударило его палицей, и страшный драконъ упалъ на землю. Дитя сошло съ коня и, выпувъ изъ поженъ отцовскую острую саблю, разрубило дракона по срединѣ. И пробѣжалъ девять каравановъ съ погонщиками, девять свадебныхъ поѣздовъ съ сватами и девять молодыхъ певѣстъ.

№ 12. Сваты и кумы ёдутъ за молодой певѣстой Нигритицкой. Путь идетъ лѣсомъ, боятся, что нѣтъ тамъ холодной воды. Янкулъ на это говоритъ, что онъ знаетъ среди лѣса глубокій колодецъ. Въ немъ есть холодная вода, но не даетъ изъ него воды драконъ. Взяли возжи, чтобы, подвязавшись ими, спуститься въ колодецъ и достать воды. Поѣхали. Опускаясь въ колодецъ, Стефанъ просить потянуть его, какъ только опъ задергасть веревкой. Опустили его, драконъ заревѣлъ. Стефанъ испугался, задергалъ веревкой, его вытащили. Янкулъ, спускаясь, просить, чтобы, когда опъ задергаетъ веревкой, опустили его глубже. А сами пусть убѣгаютъ. Стали его опускать, пока онъ не достигъ дракона, драконъ раззѣль было пасть, чтобы съѣсть его, но Янкулъ выпулъ острую саблю и зарубилъ дракона. Потекла

тогда холодная вода, и люди напились, и коней напоили, и отправились за певчестой, привели ее.

Извѣстны сказація и пѣсни, въ которыхъ ради гостепріимства приносятся въ жертву собственныя дѣти. Объ этомъ есть короткая пѣсня.

№ 133. Царь Константипъ собираетъ пиръ, ждетъ гостей, позвалъ всѣ окрестныя села. Не знасть, чѣмъ угощать гостей, скромными или постными яствами. У него есть сестра Елена очень далеко въ городѣ Будимѣ. Сѣль царь на быстраго коня и побѣжалъ къ сестрѣ спрашиваетъ се, какъ быть. Сестра ему говорить: у тебя три сына, заколи старшаго, сготовь скромное и постное и угостиши всѣ окрестныя села. Царь Константипъ сдѣлалъ, какъ ему сказала сестра.

Человѣческая жертва необходима для прочности постройки. Почти въ каждомъ сборникѣ болгарскихъ пѣсень можно найти варианты, изображающіе этотъ сюжетъ. Послѣ отца осталось трое сыновей. Хотятъ строить церковь во имя св. воскресенія. Позвали 300 мастеровъ, они вырыли основаніе, начали строить церковь, но, что успѣютъ выстроить днемъ, рушится вечеромъ. Не знаютъ, какъ быть. Главный мастеръ видитъ сонъ: во снѣ ему является дѣвушка и говоритъ, что, пока они не зароютъ въ основаніе живого человѣка, не быть церкви. Проснувшись, онъ объясняетъ мастерамъ, что св. требуетъ великой жертвы, посылаеть за своей женой. Только сказалъ, идетъ его жена съ обѣдомъ на головѣ. Заплакалъ главный мастеръ, увидавъ жену, и взялъ и застроилъ ее въ основаніе церкви.

Нѣсколько пѣсень касаются отношенія къ самовиламъ, которыхъ изображены какъ существа, опасныя людямъ.

№ 122. Юда самовила, услыхавъ игру чобана, на планинѣ, предлагаетъ ему состязанье. Онъ будетъ играть, она будетъ плясать. Если она раньше устанетъ, отдастъ за него свою младшую дочь Маргариту, если онъ, сниметъ съ него голову. Чобанъ игралъ три дня и три ночи, Юда плясала. Она устала раньше. Отдала за него Маргариту. Въ воскресеніе сыграли

свадьбу. Спустя девять мѣсяцевъ родился у нихъ сынъ, позвали кума на крестины, назвали мальчика Станко. Послѣ крестинъ сѣли обѣдать. Послѣ обѣда кумъ проситъ кумушку протанцовывать юдинскій танецъ. Она ему говоритъ: милый кумъ, постой, подожди, я дамъ грудь своему ребенку и уложу его въ золотую люльку. Кумъ подождалъ, пока не успуло дитя. Встала тогда кума Маргарита начала плакать, плахала и бросала доски съ крыши, ушла въ лѣсъ на планину и не вернулась домой. — Молодой Стоянъ пасеть овецъ на высокомъ холмѣ, у него фесь надѣть на бекренъ, завиты въ кудри русые волосы, онъ бросаетъ камень. Услышала это Юда самовила съ высокой зеленої плащипы, вышла на дорогу и въ тѣсномъ мѣстѣ стала поджидать Стояна. Стоянъ шель домой взять хлѣба. Юда его останавливается, спрашиваетъ, откуда онъ и куда идетъ, и объясняетъ ему, что, кто здѣсь проходитъ, тому не вернуться назадъ. Закрутила она Стояна, хочетъ его лишить жизни. Взмолился Стоянъ къ самовилѣ. Говоритъ ей, что у него молодая жена, малыя дѣти, новый домъ. Старая самовила не обращаетъ на это вниманья. Тогда предлагаетъ ей бороться съ пимъ. Если она его поборетъ, его жизнь въ ея рукахъ; если онъ ее поборетъ, пусть она идетъ по добру по здорову. Начали бороться. Юда не выдержала, безъ чувствъ упала на землю и умерла.

№ 197. Проходилъ Марко зеленымъ лѣсомъ, нигдѣ не находить воды. Марко проклинаетъ лѣсъ: засохъ бы ты сверху до низу, повалился бы ты до самаго корня, отчего пѣть въ тебѣ холодной воды. Лѣсъ отвѣчаетъ: не проклипай меня краль Марко, было у меня 12 источниковъ воды, заперла ихъ Цвета самовила, Юда самовила, твоя посестрица. Тогда Марко подстегнулъ своего быстрого коня и полетѣлъ въ синее небо въ догонку за Юдой самовилой, поймалъ ее въ темныхъ облакахъ, схватилъ за русые волосы и началъ ее бить по плечамъ. Говорить ему Юда самовила: побратимъ мой, краль Марко, что я тебѣ сдѣлала, что ты меня бѣешь. Марко ей отвѣчаетъ: ты заперла 12 источниковъ воды. Юда отдаетъ спрятанные въ карманахъ ключи. Марко

беретъ ихъ, идеть въ зеленый лѣсъ, открываетъ источники. Начали тогда молоть водяныя мельницы.

Всего одна пѣсня принадлежить къ числу стиховъ, относящихся къ загробнымъ вѣрованіямъ.

№ 194. На востокѣ, откуда солнце выходитъ, тамъ прекрасно и хорошо, тамъ райскія трапезы, и всѣ святые божіи. Выше всѣхъ св. Николай, съ нимъ рядомъ Пречистая Богородица, на рукахъ держитъ Христа. Показался съ неба облакъ, взялъ оттуда Христа. Пречистая громко заплакала, Святой Николай ее утѣшаетъ: молчи, пречистая, утромъ я пойду къ Богу, помолюсь, чтобы послалъ намъ Христа. И, когда разсвѣло, св. Николай пошелъ къ Богу, низко ему поклонился и говоритъ: милостивый Боже, пусти къ намъ Христа, Пречистая его горько оплакиваетъ. А Богъ ему говоритъ: я взялъ Христа, чтобы онъ устроилъ страшные мосты, чтобы по нимъ проходили грѣшныя души. И когда онѣ шли, три души не могутъ перейти мостъ. Одна брала взаймы муку, а, возвращая долгъ, смѣшивала ее съ чепломъ; другаяссорилась съ сосѣдями и не давала сосѣдямъ огня; третья чужихъ дѣтей кормила молокомъ, проливала молоко и не давала его дѣтямъ.

Можно указать цѣлый рядъ вариантовъ къ № 19. Замерзло проклятое Черное море, задержало 300 кораблей съ ладономъ и воскомъ. Торговецъ молитъ Бога, чтобы растаяло Черное море и пропустило корабли. Но море не таетъ. Тогда купецъ обѣщаетъ три корабля съ ладономъ и воскомъ монастырю св. Архангела на святой горѣ. Услышалъ его Господь, растаяло Черное море, пошли 300 кораблей. Купецъ исполнилъ обѣщаніе.

Очень выразительна опять-таки постоянно встрѣчающаяся пѣсня о жестокости неблагодарнаго къ отцу сына, котораго за то постигаетъ отцовское проклятие.

№ 29. Гдѣ слыхано, гдѣ видано, чтобы сынъ вель на судъ отца, какъ это было съ молодымъ Стояномъ и его отцомъ. Онъ надѣль отцу на ноги оковы, связалъ назадъ ему руки и отвелъ его въ Солунь, и тамъ его осудили. На обратномъ пути онъ повелъ

отца лѣсомъ, гдѣ былъ глубокій колодецъ, чтобы утопить отца. Отецъ говоритъ сыну: сегодня суббота, завтра воскресенье, мы христіане, отвяжи мнѣ, сынъ, руки, чтобы я могъ раза два три перекреститься, помолиться Господу Богу, пусть пошлетъ тебѣ разумъ не поступать такъ со мной. Сынъ подошелъ и еще крѣпче завязалъ отцу руки. Отецъ проливалъ слезы и горько проклиналъ сына: Богъ тебя накажетъ, не будетъ тебѣ счастья, не будешь ты сыгъ хлѣбомъ, какъ безумный будешь ходить, держа хлѣбъ въ рукѣ, и пе съумѣешь его съѣсть, пойдешь въ церковь и пе съумѣешь сотворить креста; двое твоихъ дѣтей будутъ слѣпы и нѣмы. Господь услышитъ эти проклятья, эти слезные жалобы. Осѣдалъ Стоянъ копя и пріѣхалъ домой. На дворѣ застаетъ жену, она ходить и плачетъ, ломаетъ руки и горько проклинаясь Стояна. Господь да смируется надъ тобой, вернись назадъ, что ты дѣлаешь съ отцомъ, вѣдь твои дѣти увѣчные и слѣпые, какъ памъ ихъ воспитывать. Стоянъ вернулся къ отцу, издалека ему поклонился, вблизи молилъ его о прощепы. Отецъ остается неумолимъ: не вернуть проклятья, да будеть, что сказалъ.

Две пѣсни о скорбѣ братьевъ изъ за наслѣдства — мотивъ, знакомый и по прежнимъ сборникамъ.

№ 2. Два брата Павель и Гюро очень любили другъ друга, лежали на одной постелѣ, пскрывались однимъ одѣяломъ. Отецъ оставилъ имъ большое наслѣдство: овецъ, воловъ, безъ счету деягъ. Все они подѣлили. Остались только два сокола, изъ которыхъ они поссорились. Всталъ разъ Павель рано въ субботу, собрался на охоту, взялъ съ собой двухъ соколовъ и пошелъ на охоту наканунѣ воскресеня. Выходя изъ воротъ, крикнулъ своей женѣ Ангелинѣ, чтобы она заколола ягненка, испекла его въ печкѣ, и положила въ него яду, чтобы налила чашу вина, а въ пее полила отравы, чтобы угостила брата и отравила, чтобы не было его въ живыхъ, когда онъ вернется домой, иначе грозить женѣ отсѣчь голову. Ангелина была умна и не исполнила приказаніе мужа. Она одѣла брата въ савашъ и оставила живымъ, чтобы увидѣть, что надумаетъ мужъ, когда вернется домой, а сама сѣла

въ головахъ брата и плачетъ. На охотѣ Павель пустилъ своего сокола поймать летавшаго высоко соколенка. Соколь взлетѣлъ, бывают и не опускаются внизъ. Павель пустилъ другого. Тогда два сокола вмѣстѣ принесли Павлу соколенка. Соколенокъ говорилъ ему: если бы живъ былъ мой братъ, не одолѣть бы меня твоимъ соколамъ. Павель сейчасъ же вернулся домой. Заставить брата въ саванѣ и жену надѣ нимъ въ слезахъ. Онъ вынялъ саблю, чтобы себя убить. Но Ангелина удержала его, обнадеживъ, что быть можетъ Богъ подыметъ брата. Павель обѣщаетъ женѣ большой подарокъ, если такъ будетъ, идетъ къ брату, беретъ его за правую руку, и братъ встаетъ на ноги. Братья обнялись и любили другъ друга, какъ и прежде, на одной постели лежали, однимъ одѣяломъ одѣвались. Подъ № 24 есть еще пѣсня на ту же тему. Различие только въ томъ, что отъ отца остаются братьямъ 12 гончихъ и борзыхъ собакъ, которыхъ они не могутъ подѣлить, а на охотѣ женатый братъ поймалъ только одну птицу, которая оплакивала застрѣленного паканунѣ охотниками ея брата. Тропутый братскими чувствомъ птицы, старшій братъ сейчасъ же ёдетъ домой, въ надеждѣ застать брата живымъ.

Варианты смотри у Шапкарева № 564, отд. IV, кн. V, стр. 68 и указанные тамъ №№ изъ другихъ сборниковъ, а также № 1263, отд. III, кн. IV, стр. 356.

Тяжкая болѣзнь постигаетъ человѣка за какой либо страшный грѣхъ. Въ пѣсni обычно мать взываетъ къ сыну съ просьбой покаяться въ такомъ грѣхѣ.

№ 95. Илья удалой молодецъ слышитъ, на горѣ зеленої поетъ птичка; кто ее слышитъ, заболеваетъ, кто на два дня, кто на три днія. Илья лежалъ три года, сгноилъ три постели, три подушки. Надоѣло матери подымать его и переворачивать, опоясывать и распоясывать. Мать просить сына, чтобы онъ покаялся въ совершенномъ имъ грѣхѣ. Илья разсказываетъ, что въ молодые годы ходилъ онъ гайдукомъ въ зеленомъ лѣсу. Разъ, это было въ пасху, въ полѣ вблизи церкви нашли они два гроба. Никто не рѣшался ихъ разрыть. А онъ это сдѣлалъ. Въ одномъ гробѣ

была молодая женщина, въ другомъ прекрасная дѣвушка. Я ихъ обнялъ и поцѣловалъ. Мать говорить ему. Женщина была твоя сноха, дѣвушка твоя сестра. Мать прокляла сына.

№ 72. Чавдарь лежить больной тому три года съ половиной, не умираеть и не выздоравливаетъ, сгноилъ три постели и три подушки. Мать спрашивается, какой грѣхъ онъ сдѣлалъ. Чавдарь разсказываетъ, что, когда былъ молодъ, ходилъ гайдукомъ вмѣстѣ съ 300 юпаковъ. Всѣ были похожи одиць на другого, словно дѣти одной матери. Распустивъ зеленое знамя, поднявъ на плечи тонкія ружья, подпоясавъ острыя сабли, пошли мы въ зеленый лѣсъ, къ холодному источнику. Проходили тамъ молодые, ходили они въ гости къ тестю и тещѣ, мы ихъ схватили и привязали мужа къ зеленому дубу, жену къ зеленому явору, собрали сухихъ дровъ, развели сильный огонь и сожгли ихъ на огнѣ.

Страшныя бѣдствія, причиняемыя моровыми повѣтріями, нашли отраженіе въ народной поэзіи въ цѣломъ рядѣ пѣсенъ, сюжетомъ которыхъ является свирѣпствующая чума.

№ 124. Карапила зоветъ мать бѣжать отъ свирѣпствующей чумы. Кто ляжетъ вечеромъ, не встанетъ утромъ. Она держить въ рукахъ длинный фирмантъ, какъ острую огненную саблю. Мать удерживаетъ дочь, говоря, что чума ее не тронеть: она знаетъ, что ты единственная дочь у матери. Не успѣла мать это сказать, чума поразила Карапилу въ око. Дочь горько жалуется, что мать ся не послушала, теперь я уже не увижу тебя своими очами, умру въ цвѣтѣ молодости, не пагулявшись, не порядившись.

№ 137. Въ Боспѣ Царьградѣ свирѣпствуетъ чума. У одной влахиши въ одинъ день умерло три сына, три спохи и три внука. Она осталась одна, войдетъ въ домъ, ломаетъ руки, выйдетъ на дворъ, проливаетъ слезы, плачетъ и громкимъ голосомъ взываетъ къ Богу. И вотъ пробудился одинъ впукъ и говоритъ: милая бабушка, иди на кладбище и копай девять могилокъ, возьми мраморную колесницу, положи на нее трехъ сыновей, трехъ спохъ и трехъ впуковъ, зарой ихъ и перестань плакать.

Неплодіе, приносящее неудовлетвореніе семейной жизни, не

рѣдко служить сюжетомъ пѣсни. Въ одной жена, которую покидаетъ мужъ, дѣлается беременпой.

№ 126. Мать говорила Янѣ. Яна, бѣлая Яна, выростешь ты, и мать тебя выдастъ за бѣдпаго Стояна, оба бѣдняки, вы наживете домъ, накопите имѣнья, но будете плакать, не имѣя дѣтей. Мужъ спрашиваетъ Яну, неплодную молодую жену, отчего это съ ней. Яна повторяетъ проклятье матери. Стоянъ тогда объявляетъ, что пойдетъ искать себѣ молодую жену. Яна упрекаетъ за это Стояна, и, прощая его сама, говоритъ, что Богъ не проститъ его за это; а обращаясь къ золовкѣ, зоветъ ее въ поле набрать метлы, мести дворъ, въ ожиданїи молодой невѣсты. И пошли они въ широкое поле, на самый берегъ Чёрнаго моря. И какъ только тамъ услыхала бѣлая Яна, что камень заигралъ, рыба запѣла, она забеременѣла.

Въ другой пѣснѣ мужъ объясняетъ неплодіе жены материнскимъ проклятиемъ. Стоянъ и Яна были бѣдны. Не было у нихъ дома, Богъ имъ далъ домъ; не было у нихъ имѣнья, они нажили имѣнья. Есть у нихъ домъ, есть у нихъ имѣнья, по нѣть чада. Мужъ посыаетъ жену па рынокъ, пусть золотыхъ дѣлъ мастеръ сольетъ ей мальчика. Взяла Яна серебра, пошла на рынокъ, мастеръ въ три дня и три ночи слилъ ей мальчика. Принесла она домой, положила передъ мужемъ, но дитя не говорить. Стоянъ приписываетъ неплодіе жены проклятию матери.

Семейные недады съ роковымъ для матери исходомъ, изображены въ пѣснѣ № 108.

№ 108. Стоянъ, возвращаясь съ прогулки по пляжи Ветренъ приходитъ къ воротамъ своего дома. На его зовъ отворяется ему старая мать. Когда онъ спрашивается, отчего не вышла отворить ворота жена его Бояна, мать говоритъ, что она всю ночь плясала съ его побратимами, и теперь спитъ. Стоянъ выпустилъ острый ножъ и закололъ Бояну. Пробудившаяся Бояна объясняетъ мужу, что она ждала его всю ночь, пряла пряжу. Стоянъ колчаетъ и съ собой тѣмъ же ножемъ. А матери говоритъ: до сихъ поръ у тебя, матушка, было двое молодыхъ, от-

нынѣ у тебя два гроба. Смотри и плачь, какъ будетъ плакать и твоя сватъя.

Испытаніе вѣрности жены дало сюжетъ интересной пѣсни.

№ 40. Георгій пашетъ ниву, поетъ пѣсни и благодарить отца, который оставилъ ему большую ниву въ триста «погоновъ» (земельная мѣра), пару воловъ, виноградникъ въ семь погоновъ. А мать поминаетъ, что нашла ему молодую жену, такую умницу, что никто ее не обманетъ. Слышалъ пѣсню проѣзжавшій мимо съ мулями золотыхъ дѣлъ мастеръ и говорить ему: что расхваливаешь свою жену, если я не сумѣю ее обмануть, отдамъ тебѣ три мула. А Георгій обѣщаетъ, если это ему удастся, отдать свою жену съ сыномъ. Поѣхалъ золотыхъ дѣлъ мастеръ къ воротамъ Георгія, кликнулъ его жену и, когда она вышла, говорить ей: Георгія, когда онъ пахалъ, ужалила змѣя, онъ меня послалъ къ тебѣ за травой отъ укуса змѣи. Жена Георгія прогоняется золотыхъ дѣлъ мастера. У мужа есть эта трава. Пошелъ назадъ молодой золотыхъ дѣлъ мастеръ, но съ дороги вернулся и говоритъ: у Георгія, когда онъ пахалъ, падъ волъ, онъ меня послалъ къ тебѣ за пожемъ, чтобы содрать съ вола кожу. И на этотъ разъ жена Георгія гонитъ золотыхъ дѣлъ мастера. Она дала мужу ножъ, и онъ заткнулъ его за поясъ. Проигралъ пару золотыхъ дѣлъ мастеръ, и достались Георгію три мула, павшихъ казнью.

№ 191. Есть двѣ пѣсни о любви между близкими родными, а именно двоюродными братомъ и сестрой. Любовь оправдывается тѣмъ, что красота дѣвушка заставляетъ забыть о родствѣ: прекрасная дѣвушка безъ роду, широкое поле пе обойдешь, мелкіе камни безъ счету, глубокое море бездоно. Пѣсень на эту тему очень много во всѣхъ сборникахъ.

Бракъ между болѣе близкими родными, а именно между братомъ и сестрой, не можетъ состояться. Нѣмѣютъ попы, слѣпнутъ чтецы, и голосъ прилетающей птички объясняетъ, отчего зависитъ препятствіе.

№ 84. Прославилась Димковица, что родила девять мальчи-

ковъ и дѣвушку, а десятаго мальчика взяла подъ мышки и понесла на бѣлый Дунай. Съ словами: бѣлый Душай выростп это дитя, бросила его въ бѣлый Дунай. Вернулась она домой, а на Душай пришелъ юнакъ Янкуль. Нашелъ тамъ плачущаго мальчика, взялъ его и привѣстъ къ себѣ домой. Выросъ мальчикъ, сталъ настоящимъ юнакомъ и грамотнымъ человѣкомъ. Пришло время жепитьбы. Онъ посватался къ дочери Димковицы. Ее за него отдали. Насталъ день свадьбы. Удали барабаны, заиграли свирѣпи, невѣсту взяли и отвели въ домъ Янкула. Позвали поповъ вѣнчать молодыхъ, но попы онѣмѣли, грамматики ослѣпли. Откуда ни возьмись прилетѣла золотая птичка, сѣла на домъ Янкула и запѣла прекрасную пѣсню, она въ пѣснѣ говорила: Гдѣ слыхано, гдѣ видано, чтобы братъ и сестра вѣнчались? Догадались тогда, въ чемъ дѣло, разлучили брата и сестру. И проговорили попы, стали видѣть грамматики.

Въ № 96 сама природа протестуетъ противъ брака брата съ сестрой. Этимъ пѣсня отличается отъ сербскаго варианта, въ которомъ сестра убиваетъ брата, и мать одобряетъ вызванное необходимостью защитить честь рода ея решеніе. Вукъ Кариджичъ Герцеговинскія пѣсни стр. 62—64.

№ 96. Стоять въ большемъ селѣ, гдѣ много прекрасныхъ дѣвушекъ, полюбиль свою сестру. Сестра зоветъ брата въ церковь. Только они вошли въ ворота, грамматики онѣмѣли, попы ослѣпли. Сестра зоветъ брата въ лѣсъ умереть вмѣстѣ. Пошли они въ зеленый лѣсъ, онъ тотчасъ же посохъ. Не принялъ насть лѣсъ, говорить сестра, пойдемъ въ поле. Пошли въ поле; высохло поле, увили посывы. Поле не принялъ, пойдемъ на берегъ озера. Пришли къ берегу, и озеро тотчасъ же высохло. Пойдемъ на море. Подошли къ берегу моря, Кираша всплеснула руками и бросилась въ море. Горько стало Стоящу, онъ началъ плакать; всплеснуль руками и бросился въ море, но и море не принялъ брата съ сестрой, выбросило ихъ на сухую землю. Земля разверзлась и поглотила ихъ обоихъ.

Два двоюродныхъ брата Стефанъ и Янкуль полюбили одну

дѣвушку. Оба сразу стали къ ней свататься. Обоимъ обѣщали дать дѣвушку. Приближается время свадьбы. Оба созываютъ сватовъ и кумовъ и наряженные съ музыкой идутъ за невѣстой, одинъ по суху, другой моремъ. Кто придетъ первымъ, того и будетъ невѣста. Янкуль, выбравшій морской путь, пришелъ ранѣе, взялъ невѣсту и увелъ домой, призвалъ 3-хъ поповъ на вѣнчанье. Приходитъ за нимъ и Стефанъ и отъ старика отца невѣсты, еще не доходя села, узнаетъ, что опоздалъ.

Въ № 117 тотъ же сюжетъ въ иной обработкѣ. Отецъ невѣсты желаетъ, чтобы дочь его отказалася Янкулу, приняла предложеніе Стефана. Пришелъ Стефанъ, Тодорка даже и не вышла къ нему, пришелъ Япкуль, она ему поклонилась. Отецъ говорить дочери: Тодора, милая дочь, лучше бы тебя не имѣть, чѣмъ дождаться отъ тебя такого срама.

Варіанты на этотъ сюжетъ съ значительными отличіями отъ приведенныхъ двухъ пѣсенъ можно указать въ сборникѣ Младинова № 520, Шапкарева № 498.

Часто повторяется пѣсня о разлукѣ матери съ дочерью, которая выдается замужъ въ далекую сторону.

№ 32. Счастливая мать родила восемь сыновей и одну дочь. Была она очень хороша и умна. Сватались къ ней въ селѣ семь жениховъ и богатые и бѣдные. Пришли къ ней сваты и изъ далекой стороны. Младший братъ Никола совѣтуетъ матери отдать сестру на дальнюю сторону. Мы будемъ ходить къ ней въ гости восемь братьевъ съ восемью спохами и съ десятю внуками; люди будутъ намъ дивиться и скажутъ: счастіе матери, что родила восемь сыновей, и всѣ у пей живы. Мать сдѣлала, какъ совѣтовалъ сынъ. Но вотъ вдругъ появилась страшная чума. Умерли отъ нея восемь сыновей и восемь спохъ и десять внуковъ. Всѣхъ ихъ похоронили, и осталась мать одицешенъка, ходить на могилки, творить возліянья. Надъ гробомъ Николы много плакала и люто его проклипала за данный совѣтъ. Очень тяжело было Николю слышать проклятия, и помолился онъ Богу: пусти меня, Боже, къ сестрѣ, я ее приведу, пусть увидитъ ее

матъ. Господь внялъ мольбѣ. Никола ожилъ, и Богъ послалъ его къ сестрѣ. Пришелъ Никола въ село, гдѣ она жила, и засталъ ее у колодца, она брала воду. Издалека она привѣтствовала брата: Добро пожаловать, братъ мой Никола, отчего ты пришелъ одинъ, не взялъ жены. Пойдемъ къ намъ. А онъ ей говоритъ. Не могу я зайти, я очень тороплюсь, разболѣлась наша мать, очень ей плохо, сильно тоскуетъ она по тебѣ, желаетъ тебя видѣть; я и пришелъ за тобою. Сестра отвѣтчаетъ, что ей по крайней мѣрѣ надо пойти домой, получить позволеніе отъ тестя и мужа и отъ свекрови. Ушла и получила позволеніе. Пошли съ братомъ, пришли въ село на кладбище. Сестра видѣла много свѣжихъ могиль спрашиваетъ брата: кто у насъ умеръ, столько могиль па нашемъ мѣстѣ. Братъ говоритъ: пришли въ село чужие люди, никто не давалъ имъ мѣста, мы дали свое. И говорить сестрѣ: ступай домой, а я останусь здѣсь не надолго. И пошла Фикія, въ воротахъ крикнула. Мать ее услыхала, выбѣжала на дворъ: бросились другъ дружкѣ въ объятія и горько заплакали и тутъ же обратились въ мраморъ.

№ 116. Пришли сваты изъ Царьграда сватать Авдотью. Мать не даетъ дочь, боится, что въ случаѣ болѣзни некому будетъ за ней ухаживать, о ней позаботиться. Уговариваетъ отдать сестру братъ Константинъ, утѣшаетъ мать тѣмъ, что, родившись, можно будетъ бывать въ гостяхъ въ Царьградѣ. Отдала мать Авдотью. Прошли два три дня, и появилась тяжкая болѣзнь, страшная чума, свалила и старыхъ и малыхъ, умеръ отъ чумы и Константинъ. Мать осталась одна въ большомъ хоромѣ домѣ. Проклинаетъ сына, что посовѣтовалъ отдать сестру въ дальнюю сторону въ Царьградъ. Услышаль ея проклятия ангелъ Божій, пошелъ къ Богу и говоритъ, что не можетъ больше терпѣть, слыша страшныя проклятия матери. Богъ посыпаетъ ангела разрыть могилу Константина, оживить его, изъ досокъ гроба сдѣлать ему коня, и пусть онъ идетъ за сестрой, приведетъ ее къ матери. Пошелъ ангелъ и во второй день пасхи далъ душу Константину. Константинъ сѣлъ верхомъ

на коня, поѣхалъ въ Царьградъ. Тамъ засталъ хороводъ. Авдотья въ немъ плясала. Увидавъ брата, она вышла и поцѣловала ему правую руку. Братъ говоритъ сестрѣ, что мать очень желаетъ ее видѣть. Сестра спрашиваетъ, не больна ли мать. Братъ отвѣчаетъ, что не больна, такъ желаетъ ее видѣть. На дорогѣ сестра спрашиваетъ брата, отчего отъ него пахнетъ плесенью. Братъ отвѣчаетъ, что, когда онъ шелъ, ему захотѣлось пить воды, но онъ не могъ найти воды, и оттого такой запахъ отъ его устья. Придя въ село, братъ оставляетъ сестру, чтобы вернуться къ себѣ. Сестра пошла къ воротамъ одна и крикнула. Пришла къ ней мать, отворила ворота. Какъ увидала Авдотью, обнялись обѣ и тутъ же окаменѣли.

Значительное число пѣсенъ относится къ разряду такъ называемыхъ любовныхъ, о содержаніи которыхъ можно судить по слѣдующимъ примѣрамъ.

№ 89. Яна, бѣлая Яна, вставши рано въ воскресенье, вымела дворъ своего дома, все убрала и ушла на бѣлый Дунай. Спрашивается, сколько судовъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ пѣтухи пропѣли. Получаетъ въ отвѣтъ 300 однихъ, да за ними 300 другихъ. Спрашивается, прошелъ ли ея милый. Онъ прошелъ впереди другихъ, несъ синее зеленое знамя. За нимъ шло сильное войско. Когда хотѣль вернуться? Когда высохнетъ море, увишетъ трава.

№ 171. Что Божена ты моешь бѣлое платье, а носишь черное? Мать или отца оплакиваешь? братьевъ или сестру? Не оплакиваю я, Стоянъ, ни мать, ни отца, ни братьевъ, ни сестру, а жалѣю, что не сказалъ ты мнѣ три дня напередъ, чтобы я кроила одежду сеймена. И я бы пошла сейменомъ за тобой, днемъ бы ходила сейменомъ, ночью была тебѣ женой. Мужъ напоминаетъ женѣ, что товарищи узнали бы, что она женщина, по русымъ волосамъ, бѣлымъ грудямъ, бѣлымъ ногамъ. Жена отвѣчаетъ: на русыхъ волосахъ красный фесъ, на бѣлыхъ грудяхъ красный джамаданъ, на бѣлыхъ ногахъ сейменскіе башмаки.

№ 63. Стоянъ полюбилъ прекрасную дѣвушку Елену. По-

сватался къ ней, но Елена не хочетъ за него идти. Мать совѣтуетъ сыну притвориться мертвымъ. Стоянъ это сдѣлалъ, она позвала 9 поповъ и 9 грамматиковъ на похороны. Всѣ идутъ прощаться, не достаетъ только Елены. Она пошла къ станку отрѣзать кусокъ полотна, вошла въ садъ нарвать желтыхъ цвѣтовъ. Идетъ съ сверткомъ полотна на головѣ, съ цвѣтами въ рукахъ, подошла къ Стояну и наклонилась съ нимъ проститься. Стоянъ очнулся, развелъ руками и обнялъ прекрасную дѣвушку. Она обернулась къ попамъ и граматикамъ и говоритъ имъ: не нужно теперь печального пѣнья, пойте радостно, вѣнчайте Стояна съ прекрасной Еленой.

№ 166. Стоянъ обѣщаетъ взять за себя изъ трехъ дѣвушекъ, между которыми одна гречанка, другая влахиня и третья болгарка, ту, которая перенесетъ его черезъ Дунай. Это смогла сдѣлать только болгарка. Варіантъ къ № 465 Миладинова.

№ 9. Ходить Калуда по городу Солуню, по солунскимъ торговымъ рядамъ, по еврейскимъ улицамъ. Вышла къ ней дѣвушка еврейка, спрашиваетъ, что заставило ее здѣсь гулять. У Калуды брата Стояна обвиняютъ турки, что онъ оскорбилъ турчанку. Его схватили проклятые турки, бросили въ тюрьму, надѣли ему на шею и на ноги тяжкія цѣпи, требуютъ съ него большой штрафъ въ 530 грошей. А у Калуды нѣть ни гроша. Еврейка обѣщаетъ заплатить за Стояна, если онъ приметъ еврейскую вѣру, но Стоянъ предпочитаетъ умереть христіаниномъ. Наоборотъ онъ предлагаетъ сдѣлаться христіанкой дѣвушкѣ еврейкѣ, обѣщая взять ее себѣ хозлйкой. Еврейка согласилась, ее крестили, назвали Еленой, и она повѣнчалась съ Стояномъ.

№ 57. Янка, бѣлая Янка, что ты такъ нарядилась? Или ты недавно вышла за мужъ, или вчера помолвлена? Янка отвѣчаетъ, что она помолвлена. На вопросъ, какіе принесли ей подарки, отвѣчаетъ: пять подарковъ на пять сотенъ. Юнакъ говоритъ на это, что даль бы подарковъ на шесть тысячъ. Яна въ отвѣтъ: А гдѣ ты былъ раньше? Янку мать однажды родила, однажды ее сговарила, однажды она выйдетъ замужъ, однажды умретъ.

№ 169. У меня русые волосы, некому ихъ заплести; небольшая головка, некому надѣть фесъ; прямой лобъ, некому украсить его золотыми монетами; бѣлое лицо, некому его цѣловать; бѣлая шея, некому надѣть на нее ожерелье; тонкіе пальцы, некому надѣть на нихъ кольцо; гибкое тѣло, некому его обнять; талья, какъ перстень, некому ее опоясать; бѣлые ноги, некому на нихъ надѣть чулки. А юнакъ говоритъ: что сама себя хвалишь, русая дѣвушка. Русая дѣвушка не высоко цѣнится.

№ 88. Юрдана сводить съ ума своей красотой и чистотой все село. Изъ за нея каждый годъ проливается кровь. По просьбѣ Юрданы отецъ отводить ее къ теткѣ въ Солунь. Пришли къ дому тетки и постучались у воротъ. Когда тетка узнала, что это Юрдана, не хочетъ ее принять. «Для тебя нѣть села, нѣть дома». По всѣмъ корчмамъ, гдѣ собираются молодые люди, юнаки только о тебѣ и говорятъ. Юрдана проситъ тогда отца отвести ее на Дунай. Придя на берегъ, она всплеснула руками и говоритъ Дунаю: Дунай, братъ Дунай, для тебя меня мать родила, для тебя меня выростила. Бросилась въ бѣлый Дунай и утонула.

Три пѣсни касаются монашеской жизни. Въ первой изъ нихъ приводится мысль, что только тяжкое несчастіе, постигающее человѣка, можетъ заставить его искать утѣшенія въ монастырской обители.

№ 180. Ката монашенка, давно ли ты монашенкой. Люди сельскіе, недавно я постриглась монашенкой съ тѣхъ поръ, какъ черная чума свирѣпствовала въ нашемъ селѣ. Она отняла у меня отца, милую мать, дорогихъ братьевъ, всѣхъ моихъ родныхъ. Съ тѣхъ поръ почернѣли мои очи, я пошла въ монастырь и надѣла на себя черную рясу.

Вторая и третья обличаютъ распущенность монаховъ.

№ 42. Проданъ собирается съ молодой женой Ангелиной идти къ тестю. Наказываетъ женѣ замѣсить тѣсто, испечь два хлѣба, наполнить виномъ двѣ чаши, зажарить двѣ курицы, а самъ опъ осѣдаетъ двухъ черныхъ коней. Собрались и отправились послѣ захода солнца. Когда они проѣзжали мимо Кошиницы, у

монастыря ихъ встрѣтилъ монахъ и позвалъ переночевать въ монастырь, чтобы не бѣхать въ почное время. Проданъ согласился. А старый монахъ взялъ его въ свою келью, угостили водкой, и Проданъ, напившись, уснулъ, а монахъ легъ съ его молодой женой.

№ 25. Взбушевалось море, волны заливаютъ святогорскіе монастыри. Бѣдствіе объясняется тѣмъ, что Фидава пляшетъ въ кельѣ съ старымъ монахомъ. Ихъ выгнали, и утихъ вѣтеръ, море вошло въ свои берега.

Мы неисчерпали весь пѣсенныи материалъ сборника Верковича, остановившись па болѣе интересныхъ пѣсняхъ. Какъ можно было видѣть, въ большинствѣ случаевъ мы имѣемъ въ немъ дѣло съ варіантами уже извѣстныхъ пѣсень. Сличеніе сборниковъ въ этомъ отношеніи выясняетъ преобладающій пѣсенныи запасъ. Въ пародной поэзіи есть рядъ любимыхъ мотивовъ и положеній, которые повторяются, варіруясь, въ примѣненіи къ разнымъ лицамъ, и получая тотъ или другой мѣстный оттѣнокъ, въ зависимости отъ той мѣстной среды, въ которой записаны тѣ или другія пѣсни. Однако и въ этомъ отношеніи, какъ можно было видѣть, сборникъ Верковича даетъ иногда весьма рѣдкіе варіанты.

Что касается красоты формы, то пѣсни, записанныя въ македонскихъ краяхъ, въ общемъ уступаютъ сербскимъ, которыми, судя по сравненію ихъ съ болгарскими, принадлежитъ несомнѣнно пальма первенства въ юго-славянской народной поэзіи. Но, какъ можно видѣть даже и въ прозаическомъ пересказѣ, въ сборникѣ Верковича есть отдельные №№ и въ этомъ отношеніи выдающагося достоинства.

Академическій сборникъ безспорно составляетъ заслугу Верковича, собравшаго важный пѣсенныи и сказочный материалъ. Опубликованный въ свое время онъ получилъ бы выдающійся интересъ, но и теперь вполнѣ сохраняется его значеніе, какъ одной изъ старшихъ записей.

П. Лавровъ,